

Лидия Чарская

Генеральская дочка

Лидия Алексеевна Чарская

Генеральская дочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=634705

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Завернув пакет с револьвером и зарядами для большей осторожности в носовой платок, Мура за неимением кармана несет его в руках, прижимая крепко, как сокровище, к сердцу. О, она так счастлива! Покупка обошлась вдвое дешевле, чем она предполагала, и еще осталась немалая сумма из данных ей ее «птичками» перед отъездом на мелкие расходы денег. А главное – все обошлось так просто, без всяких препятствий.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	25
Глава пятая	31
Глава шестая	39
Глава седьмая	48
Глава восьмая	57
Глава девятая	64
Глава десятая	72
Глава одиннадцатая	88
Глава двенадцатая	97
Заключение	104

Лидия Алексеевна Чарская Генеральская дочка

Глава первая

– Да, положение не из приятных, – произнес высокий седой военный в генеральской форме. – Что ты скажешь на это, Мари?

Та, которую звали Мари, худенькая, маленькая, болезненного вида женщина, подняла усталые глаза на мужа и улыбнулась доброй улыбкой.

– Конечно, если бы Мурочка не была так непосредственна... – тихо прозвучал голос маленькой генеральши, и она отложила в сторону газету, которую читала.

– Ты называешь это непосредственностью? Гм?! – И генерал Раевский неожиданно весело расхохотался. – Дорогая Мари, я всегда говорил, что ты была слишком снисходительна к девочке, – продолжал он через минуту. – Постоянно спуская Муре все ее маленькие погрешности и недочеты, ты сделала только то, что к шестнадцати годам из нее вышла не благо-

воспитанная, корректная барышня, а какой-то отчаянный сорвиголова-мальчишка. Ведь ни на один день ее нельзя оставить одну. И что за неприятное положение у нас теперь создается благодаря невыдержанности этой девочки! Мне необходимо ехать в Карлсбад лечить мои больные почки, тебе – в Биарриц восстанавливать издерганную за время твоей неутомимой благотворительной деятельности нервную систему, а девочку положительно не с кем оставить здесь. Взять же ее с собою значило бы подвергнуть себя утроенным расходам, а ты сама знаешь, что, живя на одно мое жалование и не имея свободных средств, мы не можем позволять себе тратить много денег. Да и, кроме того, что же это будет за лечение, если нам придется постоянно думать о том, чтобы наша проказница не свернула себе шею в то время, пока мы будем брать ванны или отдыхать после массажа. Ох уж эти мне баловницы маменьки! Балуют детей напропалую, а потом и сами не знают, что делать с ними.

Бледное худенькое лицо Марии Павловны тонко улыбнулось в ответ на тираду мужа.

«Не сам ли он, этот, так бурно возмущающийся сейчас Мурочкиными шалостями и ее чрезмерной живостью, Леонид Федорович души не чает в своей дочурке и, уж во всяком случае, не менее ее, матери, вносит дань отеческого баловства и огромную дозу снис-

ходительности по отношению к шалунье. Ведь не было еще случая, чтобы генерал запретил что-либо своей Мурочке. Неоспоримым деспотом росла девочка в семье. Хорошо еще, что сама по себе натура Мурочки являлась в высшей степени благородной и честной и девочка обладала к тому же добрым сердцем, а то бог ведает, что могло бы выйти из нее!»

На этой мысли генеральша Раевская снова взялась за прерванное чтение газеты.

Вдруг глаза ее приковались к огромным буквам объявления, напечатанного на самом видном месте. Такого странного объявления Мария Павловна еще не встречала за всю свою долгую сорокапятилетнюю жизнь. **«Пансион хорошего тона исключительно для девиц благородного происхождения»** – гласили напечатанные жирным шрифтом строки. «В семинедельный срок за весьма умеренное вознаграждение обучаю молодых девиц хорошему тону и светским манерам под руководством опытной наставницы. Принимаю воспитанниц на полный пансион. Прекрасный здоровый домашний стол. Постоянное наблюдение наставниц. Местоположение крайне благоприятное для здоровья. Дачный чистый воздух. Сосны. Пески. Море. Граница Финляндии. По Приморской дороге. Станция Дюны. Обращаться за справками лично к директорше пансиона m-me Sept».

По мере того как глаза маленькой генеральши пробежали эти строки, легкий румянец разлился по ее бледным щекам, а губы сложились в довольную улыбку.

– Вот, прочти, – сказала она, протягивая газету мужу.

Леонид Федорович так же быстро пробежал строки объявления и поднял на жену удивленный взгляд.

– Насколько я тебя понял, Мари, ты хочешь на время нашего отъезда поместить в этот удивительный пансион нашу Мурочку?

– А почему бы и нет? Ты, разумеется, должен будешь съездить туда сам и предварительно узнать, насколько может быть уместно пребывание там нашей дочери. Конечно, было бы лучше устроить Муру у кого-нибудь из родных, но в данном случае мы с тобой несчастливые люди; у нас не осталось в живых никого из близких родственников, а с нашими дальними кузенами и кузинами мы, в сущности, так мало знакомы, что было бы несколько рискованно отягощать их заботами о девочке, уже одно присутствие которой в доме ведет за собой некоторое беспокойство. Пансион же в таких случаях незаменим. Он не несет с собой никаких других обязательств, кроме денежных, и я, в сущности, рада, что это объявление попало мне на глаза.

– Ты права, дорогая Мария, – поспешил согласиться с женой генерал Раевский, – но я все-таки не могу представить себе нашу девочку в чужой, новой для нее обстановке, одну среди незнакомых людей! – И при этих словах лицо Леонида Федоровича приняло озабоченное выражение.

Мария Павловна улыбнулась.

– Ты забываешь, мой друг, – сказала она, – что этой девочке пошел уже семнадцатый год и что она окончила гимназию. Стало быть, надо смотреть на нее как на взрослую...

– Но не как на благоразумную взрослую, во всяком случае? – усмехнулся генерал.

– ...Не как на благоразумную, согласна, – подтвердила его жена, – и, имея в виду именно это обстоятельство, я и подумала о том, что хорошо было бы отправить в пансион вместе с нашей Мурочкой и Досю. Во-первых, этим мы не разлучим двух неразлучных подруг, а во-вторых, Досинога благоразумия на двоих хватит, не правда ли?

– Блестящая идея, что и говорить. И чем скорее мы осуществим ее, хотя бы пока только в проекте, тем лучше, – совсем уже весело произнес генерал и, подойдя к звонку, нажал электрическую кнопку.

– Пригласи сюда обеих барышень, Спиридонов, – сказал он вытянувшемуся перед ним денщику.

– Слушаю, ваше высокопревосходительство! – отрапортовал тот и так же быстро исчез, как и появился, словно проваливаясь под землю.

С минуту в гостиной царила полная тишина. Затем послышались торопливые шаги за дверью. Громкое постукивание каблучками, звонкий девичий хохот и неистово-радостный собачий лай...

Глава вторая

Дверь в гостиную распахнулась настезь. Из-за тяжелой портьеры вынырнули два рыжих сеттера и белый пушистый шпиц. С тем же оглушительным лаем ринулись они со всех ног к своим хозяевам, а следом за собаками появилось небольшого роста растрепанное юное существо со смуглым неправильным личиком, крупным носом и припухлыми губками. Неправильность этого некрасивого личика вполне, однако, искупали веселые, сияющие жизнью и задором серые глаза да сверкающие в улыбке, ослепительно белые зубы.

С косым пробором в густых, черных, всегда растрепанных волосах, с задорной усмешкой и смелым выражением в шаловливом личике. Мура Раевская действительно походила скорее на разбитного проказника-мальчугана, нежели на взрослую, закончившую курс учения барышню.

Широкая синяя мужская матроска (девушка не признавала никаких корсетов, говоря, что они только стесняют ее движения) с белым воротником довершала это сходство.

– Вот и мы. Дорогим родителям почтение и привет! Бард, Леди! Тубо! Назад! Пушок! Ах, несносные соба-

ки, они испортят моей крошке мамусеньке ее плюшевый капот, – веселым, громким голосом кричала Мура, умудряясь одновременно и целовать щеки матери, и пожимать руку отца, и энергичными движениями свободной руки отталкивать льнувших к хозяевам собак, слишком уж неистово выражавших свой восторг. С минуты появления этой смуглой, веселой, жизнерадостной девушки, казалось, сразу ожили строгие стены чопорной гостиной, точно сама фея юности выпорхнула из-за тяжелой портьеры, наполнив комнату смехом и радостью, заставив раздвинуться в улыбку губы старика-отца и заметно помолодеть увядшим чертам матери.

– Ну, птички мои, зачем вы звали меня? – беспечно смеясь, спрашивала Мура.

– Кто это птички? Мы-то? Нечего сказать, хороша стрекоза! – притворно сердито хмурясь, произнес генерал. – Следовало бы вам несколько почтительнее относиться к вашим престарелым родителям, сударыня, – начал было Леонид Федорович недовольным голосом и тут же оборвал свою речь на полужае. С быстротой вихря кинулась Мура на шею отцу.

– Паписька мой седенький, паписька мой славенький, любименький, пригоженький, хорошенький мой! – залепетала она. – Пожалуйста, не вздумай только читать мне нотации нынче. Пожалей свою Мурку. По-

смотри, как славно светит солнышко, как сияет голубое небо и какое весеннее настроение у твоей дочурки. Право же, грешно портить его. – И говоря это, Мура со смехом покрывала поцелуями глаза, щеки, лоб и губы отца.

– Да полно тебе, Мурочка, – вмешалась, наконец, Марья Павловна, – дай хоть слово сказать. Садись и слушай, нам нужно переговорить с тобой о серьезном деле. Мы с отцом решили на время нашей заграничной поездки поместить тебя в пансион. Вот в этот самый пансион, прочти о нем объявление. – И маленькая генеральша протянула газету дочери.

Смех Мурочки оборвался сразу. Смуглое лицо вытянулось.

– Ага, пансион! Значит, дело принимает наисерьезнейший оборот, как видно, – протянула она комическим тоном и с видом вполне благовоспитанной барышни, сложив ручки на коленях, уселась в кресло, положив газету перед собой на столе. – Дося! Дося! – крикнула через минуту Мура появившейся на пороге гостинной белокурой девушке с рыжеватым отливом волос и ослепительно белой кожей блондинки. Все существо этой девушки дышало врожденной грацией и изяществом. А между тем девушка эта была сиротой умершего пятнадцать лет назад простого солдата и поденщицы прачки. В документах рыженькой Доси

значилось: «дочь отставного ефрейтора N-ского пехотного полка Евдокия Петрова Кирилова».

Лет двадцать тому назад, когда генерал Раевский был еще в чине капитана, полк, где служил Леонид Федорович, стоял в глухих дебрях Кавказа. Солдат Петр Кирилов взят был капитаном в денщики. Вместе со своим офицером начальником Кирилов часто совершал экскурсии в горы. В одну из таких прогулок несколько человек горных разбойников напали на Раевского, и – не подоспей к нему на помощь его верный денщик – лежать бы капитану Раевскому с воткнутым в сердце разбойничьим кинжалом на дне одной из бесчисленных дагестанских пропастей. Но Петр Кирилов, закрыв своей фигурой начальника, принял на себя удар, предназначенный ему, и этим спас жизнь Раевскому. Леонид Федорович никогда и впоследствии не забывал этой услуги. Он оставил у себя в доме раненого солдата, и с этого самого дня офицер и денщик стали неразлучны. После отслуженного им по солдатскому положению срока Петр продолжал службу у Раевского. Вскоре оба женились, почти одновременно. В обоих семьях родилось по маленькой девочке. Свирепствовавшая одно время на юге России холера унесла в один день Петра Кирилова и его жену, и его маленькая дочурка осталась круглой сиротой на попечении Раевских. Леонид Федорович и его жена

воспитали маленькую сиротку, дочь солдата, наравне с собственной дочерью Мурочкой, а когда подошло время, поместили ее вместе с Мурой в гимназию, в один и тот же класс.

Этим Раевский хотел, хотя бы отчасти, отблагодарить покойного слугу-друга за свое спасение.

Таким образом, за услугу, оказанную ее отцом Леониду Федоровичу Раевскому, Дося была воспитана, как настоящая барышня, ничуть не хуже Муры. И молодая девушка платила беззаветной преданностью своим благодетелям за все заботы о ней и любила их и свою подругу Мурочку больше всего на свете.

* * *

– Так вот оно, как обстоит дело! Мои милые, дорогие птички, улетаая в чужие края, отправляют нас в какой-то пансион «хорошего тона». Ну, и прехитрые же вы, мои дорогие паписька и мамиська; под фирмой отъезда и лечения за границей хотите научить вашу Мурку хорошему тону и светским манерам. Ха-ха-ха! – Мура засмеялась так громко, что и белый Пушок, и рыжие сеттеры ужасно взволновались, стараясь проявить во что бы то ни стало полную солидарность во взглядах с их молодой хозяйкой. От их неудержного лая как будто все зазвенело и загремело в строгой ге-

неральской гостиной.

Внезапно внимание Мурочки перешло на собак, и новая мысль мелькает в черненькой головке девушки.

– Хорошо, я согласна ехать в этот противный пансион, но только в том случае, если со мною туда отправят Барда, Пушка и Леди! – решает она внезапно безапелляционным тоном.

– Ого, какое скромное желание! – не мог не улыбнуться генерал.

– Мурочка, дитя мое, это не совсем удобно, – тихо протестует маленькая генеральша.

– В таком случае и я не поеду. Я остаюсь. Серые глаза мечут искры из-под черных ресниц. Упрямо складываются пухлые губки. И скрещиваются по-наполеоновски смуглые руки на груди.

– Мура, детка моя, – с укором роняет мать, уже предчувствуя бурю.

– Послушай, Мура, – вмешивается Дося, и серьезные, строгие глаза девушки останавливаются на лице ее юной подруги, – если ты решаешь взять с собой в пансион всю эту свору, я, в свою очередь, останусь здесь и не поеду с тобой. – И лицо рыженькой Доси принимает самое энергичное выражение.

– Ты?

Мура недоверчиво улыбается.

– Да, я... Достаточно было возни с ними и в про-

шлом году на даче. Помилуй! Пушок пропал, его едва отыскали. Помнишь? А эта глупая Леди едва не попала под поезд. Сколько волнений мы тогда перенесли из-за них! Слуга покорный, я не хочу повторения прошлогодней истории. Итак, выбирай: или ты едешь с твоими четвероногими друзьями, или...

– С тобой! С тобой! – не дав ей закончить, кричит Мурочка и бросается со смехом на грудь подруги. И вся гостиная как будто снова оживает и смеется заодно с нею.

Глава третья

Как медленно, как убийственно медленно тянется этот несносный поезд! Маленькие неуклюжие вагоны Приморской дороги ползут, едва-едва подвигаясь вперед. Мура Раевская с грустным, против обыкновения, задумчивым личиком приютилась в уголку вагона.

Сегодня с утренним поездом ее родители уехали за границу. Это ее первая продолжительная разлука с ними. Два месяца! Бесконечные два месяца придется провести без них Мурочке! И с душою, смятой только что пережитыми грустными впечатлениями, она замерла в своем уголку, не отрывая печального взора от окна.

Около нее приютилась ее верная подруга Дося. Последняя кажется спокойнее Мурочки, хотя и у нее невесело на душе. Досе, как более благоразумной и серьезной девушке, поручили Мурочку. При расставании с нею генеральша Мария Павловна повторила Досе несколько раз:

– На тебя вся надежда, Досичка, побереги Муру в чужом месте. Ты одна имеешь на нее влияние и умешь сдерживать ее порывы. Мы с мужем надеемся на тебя.

Ах, хорошо им было надеяться, а каково будет ей –

Досе – оправдать это лестное доверие к ней ее благодетелей! Уже с самого утра нынче Мура, как нарочно, проявляет нежелательное упрямство и резко выражаемую так некстати самостоятельность. Что же будет потом?!

* * *

Несколько раз до своего отъезда генерал Раевский побывал в Дюнах, в пансионе «хорошего тона», и, по-видимому, вынес оттуда самое благоприятное впечатление. И madame Sept, директриса пансиона, пожилая француженка, и ее сестра-помощница очень понравились генералу. Не менее понравился и самый состав барышень воспитанниц, и красивое, здоровое местоположение пансионной дачи. И если бы только не одно обстоятельство, волновавшее Леонида Федоровича, лучшего нечего было и желать для его любимицы-дочки. Но это обстоятельство, крайне щекотливого характера, о котором он предпочел умолчать дома, портило все дело. В первую же встречу с Раевским, узнав от него о поступлении к ней двух девушек вместо одной, причем одной из них не девицы «благородного происхождения», а простой солдатской дочери, madame Sept энергично запротестовала против принятия в свой пансион Доси.

– В наше воспитательное заведение имеют доступ только барышни из лучших интеллигентных семейств и непременно дворянского происхождения; а если и допускается исключение, то в самых редких случаях, – экспансивно жестикулируя, говорила француженка, – и я смею просить, mon general, избавить меня от компромисса.

Но Леонид Федорович Раевский от «компромисса» почтенную директрису не избавил, а только значительно увеличил сумму гонорара за право поступления Доси в ее фешенебельное заведение, и madame Sept поневоле примирилась с неизбежным злом. Оставалось только доставить в пансион обеих девушек. Их поручили отвезти туда компаньонке Раевских, Агате Филипповне. Но, возвратившись после проводов родителей с вокзала, Мурочка энергично заявила Агате Филипповне, что они с Досей поедут в Дюны одни. Бедная компаньонка, к сожалению, слишком хорошо знала взбалмошный характер генеральской дочери, чтобы не понять сразу всей тщетности возражений. В этом случае, протестуя больше для очистки совести, Агата Филипповна уже заранее предвидела свое полное поражение. Так оно и случилось. Из ее протеста ничего не вышло, и Мурочка с Досей, забрав с собою весь еще накануне сложенный ими багаж, покатали одни на вокзал Приморской дороги.

Все так же медленно, убийственно скучно тянется поезд. Мимо окон вагона вереницей плывут сосны. Целый лес сосен! Сколько их – этих розовато-коричневых стволов, прямых, как исполинские свечи, прикрытых мохнатыми шапками своих верхушек, – осталось уже сзади – не сосчитать!

– Мне скучно, Дося, – провожая эти убегающие назад розовые деревья, говорит Мурочка, и все ее смуглое личико комкается в гримасу, предшествующую слезам.

Дося поражена. Она никогда еще не видала плачущей Мурочки, никогда не улавливала в ее голосе этих «ноющих», по собственному Мурочкину выражению, нот. Значит, она действительно тоскует. Значит, ей на самом деле очень тяжело.

В отделении вагона, к счастью, нет сейчас других пассажиров. Слава богу, можно поговорить по душе...

– Я понимаю, как тебе было грустно расставаться с твоими, поверь, мне и самой очень тоскливо без них, – говорит Дося, ласково взяв маленькую смуглую ручку подруги в обе свои. – Но что же нам делать, Мурочка, если так складывается судьба?

– Ужасно она складывается! Ужасно, Дося! – страстным порывом протеста вырывается из уст Мурочки. – Не говоря уже о том, как мне тяжело и тоскливо без моих птичек, я должна еще отправляться в

чужое место, к незнакомым людям, да еще, вдобавок ко всему, того и жди, пожалуй, что повторится гимназическая история. Помнишь, как относились ко мне в гимназии? И начальница, и классная дама, и даже кое-кто из подруг. Многие шалости и проказы спускались мне в силу того только, что я имею счастье быть дочерью корпусного командира – генеральской дочкой. То, что не сошло бы с рук другой ученице, мне безусловно прощалось. А учителя? Некоторые из них – ты это помнишь, конечно? – ставили мне очень снисходительные отметки, тогда как за такой же ответ другим ученицам безжалостно сыпали единицами. Вся гимназия, словом, носилась со мною, как с писаной торбой, благодаря папиному высокому положению, его боевым заслугам и безукоризненной службе. Предчувствую, что все это повторится и теперь в этом фешенебельном пансионе. И опять придется быть центром всеобщего внимания и забот, когда со всем этим не заслуживаешь, не стоишь. И когда я подумаю обо всем этом, меня разбирает такая злость и тоска!.. Ах, какая тоска!

– Напрасно, однако, ты злишься и тоскуешь, – засмеялась Дося, – и я не вижу причины портить себе настроение прежде, нежели мы попадем в пансион. Если послушать тебя, то ко мне должны были относиться крайне придирчиво и строго в той же гимна-

зии, так как я дочь простого денщика-солдата. А между тем помнишь, как любили меня там? Просто твое пылкое воображение, Мурочка, разворачивает перед тобой такие фантастические картины, которых, пожалуй, в сущности, и не было никогда, а ты... Мура, что ты? Ты меня не слушаешь совсем? Да что с тобою, наконец, Мурочка?

И карие глаза Доси с выражением неподдельного изумления остановились на лице подруги. Теперь это смуглое подвижное личико, еще несколько минут назад полное уныния и грусти, сияло и улыбалось, сверкая блеском глаз и радостным смехом, похорошевшее до неузнаваемости.

– Придумала! Придумала! – вскакивая с места и хлопая в ладоши, весело вскричала Мура. – Ты только послушай, что я придумала, Дося. Теперь нам будет безумно весело обеим, и два долгих месяца в разлуке с птичками промчатся, как быстрый сон. Ты подумай только, как все мило и будет забавно, когда ты приедешь под видом генеральской дочки с моими документами в пансион, а я с твоими бумагами и метрическим свидетельством Евдокии Кириловой. Вот-то будет потеха! А, какова моя мысль? Хороша, не правда ли? – и Мура залилась своим звонким смехом, которого Дося уже не ожидала услышать так скоро от нее.

– Но...

– Без всяких «но», прошу покорно, милая Досичка. Предупреждаю: всякое «но» отравит мне всю мою радость. А мне снова так хорошо сейчас... Да и к чему эти всякие «но», когда нет ничего нечестного и предосудительного в моей затее. Самая невинная, маленькая шутка! Только и всего! Неужели же так трудно не портить мне моего светлого настроения? – с досадой заключила Мура, и снова личико ее приняло недавнее задумчивое и недовольное выражение.

А когда задумывалась Мура, казалось, переставало сиять радостное солнце, и серые тучи обволакивали небо. Впрочем, это казалось одним Мурочкиным близким, в том числе и Досе. И чтобы вызвать прежнюю счастливую улыбку на лице своей любимицы, Дося вошла в сделку с собственной совестью.

– Разумеется, шутка самая невинная, строго говоря, и если это развлечет тебя и доставит тебе некоторое удовольствие, то я ничего не имею против нее, – робко начала она, – но...

– Без «но»... Без «но»... Без «но», прошу покорно, госпожа «Но»! – снова весело захохотала Мура, бросаясь на шею Досе и покрывая поцелуями ее милое лицо.

– Итак, верные союзницы? Да? Конечно? – протягивая ей свою смуглую руку, смеясь и сверкая оживившимися глазами, спрашивала через минуту Мурочка.

Что оставалось делать благоразумной Досе, как не пожать эту маленькую смуглую ручонку и не закрепить таким образом их новый союз?

Глава четвертая

– Они должны сегодня приехать. Ты приготовила все как следует в комнате генеральской дочери, Эми? – И полная, с густо напудренным лицом и черной пышной фризеткой дама, произнеся эту фразу на безукоризненном французском языке, обратила озабоченный взор на свою собеседницу.

Последняя, худенькая, высохшая, с рано поблекшим лицом, с мечтательными черными глазками под неестественно пышной прической, пожилая девушка отвечала своим обычно робким нерешительным голосом:

– Будь покойна, сестра; все приготовлено, как ты приказала.

– А ковер постлали, тот самый, с пушистым ворсом и пчелками, как я говорила?

– Да, конечно, постлали тот.

– И мраморный умывальник с зеркалом?

– И умывальник, и туалет.

– Надо принести еще и повесить виды Альп из моей комнаты. А на письменный стол я дам мой новый прибор. Я же сама обойдусь со старым. Когда будет повешена последняя картина и последняя статуэтка поставлена на этажерке, позовите меня. Я хочу судить о

впечатлении сразу, когда будет готово все, каково выглядит салон.

– Sois tranquille, ma soeur, tout aura lieu, selon ton desir!¹ – робким, полным готовности услужить своей энергичной старшей сестре голосом произнесла младшая сестра, после чего худенькая m-lle Эми с озабоченным видом вышла сделать последние распоряжения, а madame Susonne Sept принялась за прерванное чтение желтого томика Мопассана.

Сюзанна Дероз родилась в Париже седьмого числа седьмого месяца 18.. года. И эта, как бы самой судьбою навязанная ей цифра семь² была признана самой француженкой фатальной.

– Numero sept me portera bonheur,³ – решила раз и навсегда Сюзанна Дероз и с тех пор носилась с этой цифрой, как с самым близким и дорогим ей существом.

Ведь надо же было так сложиться обстоятельствам, что и фамилия ее мужа означала тоже число семь.

Приехав после смерти monsieur Sept на заработки вместе с сестрой из ее далекой родины в Россию, madame Сюзанна решила открыть пансион «хороше-

¹ Будь спокойна, сестра, все будет сделано по твоему желанию!

² Sept – по-французски означает семь.

³ № 7 мне принесет счастье.

го тона» для молодых девиц. Просто пансионаты, общеобразовательные и воспитательные, размножились в таком количестве за последнее время, что не стоило открывать их, по мнению предприимчивой француженки, и она решила изобрести нечто совсем новое, чего еще не встречалось в России. И этим «новым» и явился ее пансион «хорошего тона и светских ма-нер».

По 7-й линии Васильевского острова находился этот удивительный пансион зимою; летом же он перекочевывал в поэтичные Дюны на дачу, тоже значившуюся под цифрой семь. Курс в пансионе был назначен семинедельный, и ни больше ни меньше семи воспитанниц принимались в него. Семь кроватей, семь письменных столиков, семь вешалок, семь приборов было заготовлено для них. Если почему-либо одна из пансионеров уходила, распавшееся число семь тотчас же пополнялось новой пансионеркой.

Верная своему принципу, madame Sept даже приобрела семь серебряных жетонов с цифрой 7, выгравированной на каждом, и их воспитанницы должны были носить на груди в виде шифров и лишались их при малейшем поступке, шедшем вразрез с правилами директрисы пансиона. Таким образом, в пансионе «хорошего тона» существовало даже наказание в виде временного лишения жетона, несмотря на то что в

фешенебельное воспитательное заведение madame Sept принимались исключительно взрослые барышни, уже окончившие курс учения.

И вот прибытие в пансион двух новых воспитанниц вместо одной, сразу нарушивших главное правило о семи воспитанницах, не могло не портить светлого настроения почтенной дамы.

Восемь пансионерок вместо семи – уже одно это обстоятельство могло лишить madame Sept сна и аппетита, а тут к тому же непрошенная гостья являлась субъектом весьма темного происхождения. Солдатская дочка, excusez du peu! И это обстоятельство доставляло мучительную заботу за все последнее время почтенной директрисе и не давало ей покоя ни на один миг. А сегодня оно переживалось еще чувствительнее прежнего, ввиду скорого появления девиц.

– Эми! Эми! – отбрасывая книгу, снова позвала сестру madame Sept.

– A tes ordres, ma soeur!⁴ – появляясь, как тень, на пороге, произнесла всегда тихая Эми.

– Что делать, Эми? Что делать? – так и кинулась к ней старшая сестра. – Ну скажи, пожалуйста, откуда я возьму для этой «солдатки» восьмую постель, восьмой умывальник, столик, зеркало. Наконец, где я положу ее спать, где? Все постели заняты, нет места для

⁴ К твоим услугам, сестра!

нее... – с отчаянием вырвалось из груди француженки, и она вперила в лицо сестры безнадежный взгляд.

– О, что касается этого, то я могу ей уступить мою комнату, – с готовностью предложила ей кроткая Эми.

– Jamais!⁵ – с экспансивным жестом вскричала Сюзанна Септ. – Никогда я не позволю себе сделать этого, моя кроткая, добрая Эми... Не велика птица эта барышня! Что, если устроить ее в светлой кладовой? Я прикажу вынести оттуда сундуки и корзины, и комната может выйти весьма приличной. Во всяком случае, не хуже ее самой. Что она такое? Un parvenue,⁶ выскочка, воспитанная из милости в генеральском доме!

– Но...

– Не противоречь, Эми, это правда! Ты слишком покладиста, моя добрая Эми, и готова отдать последнюю рубашку каждой. А этого нельзя. Нельзя также прививать гонор людям низкого происхождения. Пусть знают, кто они такие и что представляют собой. Итак, пусть эта маленькая «солдатка» Кирилова поселится в бывшей кладовой. Там ей будет прекрасно... Позаботься о ее комнате. А я пойду к моим барышням поговорить с ними по поводу новых пансионеров.

Сестры расстались. Хлопотунья Эми, на которой

⁵ Никогда!

⁶ Выскочка.

лежала вся хозяйственная часть пансиона, поспешила в кладовую, в то время как ее старшая сестра направила свои стопы на садовую площадку, где воспитанницы ее пансиона вели оживленную игру в лун-теннис.

Глава пятая

Их было шесть человек, шесть молоденьких барышень, в возрасте от шестнадцати до двадцати лет. Прежде всего обращала на себя внимание высокая, черноволосая, худощавая молодая особа с угловатыми манерами и некрасивым резким лицом, с которого не сходило упрямое выражение какой-то угрюмой решимости. Это была Коровина, будущая трагическая актриса, двадцатилетняя девица, готовившаяся на сцену и тщательно разучавшая все время монологи и даже целые отрывки из пьес драматического характера с целью поступления на драматические курсы – эти «золотые ворота», через которые молодая актриса попадает по большей части на сцену.

Прозвище «трагической актрисы» было метко дано Коровиной кем-то из пансионеров.

Подле Коровиной, вооруженная ракеткой для игры в теннис, стояла свежая, загорелая, с здоровым степным румянцем на щеках и толстой русой косой «помещица» Катя Матушевская, игрой судьбы заброшенная сюда из далеких уфимских степей, где жила безвыездно четыре года по окончании курса в Саратовском институте.

«Маленькая авиаторша» Вава Григорьева, про-

званная так за исключительный интерес к воздушным полетам, грезившая вслух возможностью проводить всю жизнь в воздушном океане, в мире летчиц и летчиков, на белых крыльях исполинских стрекоз-аэропланов.

Целью жизни Вавы являлась авиация, мечтою – сделаться авиаторшей, идеалом человека – смелый предприимчивый летчик. И сама она как нельзя более подходила к этой профессии.

Воздушная, легкая, подвижная и проворная, она была олицетворенным порывом и стремительностью. А немного рассеянные голубые глазки Вавы отражали в себе кусочек тех далеких лазоревых небес, куда стремительно уносилась в мечтах эта жаждущая воздушных приключений шестнадцатилетняя девушка.

Баронесса Иза Пель, хорошенькая, точно со старинной гравюры сошедшая в мир современной действительности, черноглазая с длинными локонами еврейка, была дочерью богатого барона.

Яркая, талантливая, немного насмешливая, индивидуальная личность Изабеллы Пель казалась много серьезнее других пансионерок. Впрочем, и годами она была старше их. Ей давно уже минуло двадцать, и в фешенебельный пансион она поступила исключительно с целью усовершенствоваться во французском языке перед своей поездкой во французскую

Швейцарию, где, по желанию отца, должна была продолжать образование.

Пансион *madame Sept* являлся для нее, таким образом, переходною ступенью к той самостоятельности, которая ждала ее в другом заграничном пансионе на чужбине, и девушка, пробыв здесь семинедельный срок, могла постепенно приучиться к внедомашней жизни, прежде нежели уехать из России.

Так, по крайней мере, желал ее отец.

Партнершей Изы была толстая, рыхлая, неуклюжая девушка, с одутловатым, чрезмерно белым лицом, сонливыми глазами и медленными, вялыми движениями, дочь богатого купца – Анюта Велизарьева.

Эта Анюта являлась «*bete noir*»⁷ пансиона *madame Sept*. Оставляя в стороне ужасную разговорную речь Анюты, ее чисто плебейские словечки вроде «ладно», «пуцай», «урекнули», «покушамши», «ихний» (Анюта Велизарьева получила домашнее образование и закончила его, не умея порядочно написать своей фамилии), оставляя в стороне эти пробелы, молодая купеческая дочка приводила в ужас своими манерами чрезвычайно чувствительную к этому вопросу директрису.

И если *madame Sept* нарушила принцип, приняв в свое фешенебельное воспитательное заведение ку-

⁷ Козлом отпущения; в точном переводе – черным зверем.

печескую дочку, то только благодаря усердным хлопотам и обещаниям исключительного характера со стороны самого *papa* Велизарьева.

– Вы нам, а мы вам, – говорил Кузьма Кузьмич Велизарьев, потрясая с чудовищной силой руку оторопелой француженки в первый приезд свой в пансион, – вы мою Анютку уму-разуму-с научите, всякие там мерси-с, боку-с, да бонжуры с хвостиком, да монплезиры-с разные не поленитесь вколотить девчонке, а мы вас за это, помимо, то есть законных денежек-с за науку, и все прочее, еще когда и кофейком-с, и сахарком-с побалуем, крупкою из лабаза опять же разною поклонимся, леденьчиками-с, пряниками-с, фруктиками-с и прочими сладенькими финтифлюшками, а вы барышней нашей не пренебрегайте-с, потому что они у нас доселе жили дубиной стоеросовою, только и всего-с.

И *madame Sept* «не пренебрегала» Анютой. Она приняла Велизарьева, погрешив против принципа, и за это была вознаграждена с избытком со стороны богача-купца. Кладовые и погреб пансиона на городской квартире, в Петербурге, и здесь на даче, в Дюнах, были битком набиты колониальными товарами, которыми бойко торговал Кузьма Кузьмич Велизарьев и которые в изрядном количестве поставлял теперь в пансион.

Наконец, последняя пансионерка «хорошего тона» была спортсменка Соня Алдина, крепко, на совесть сколоченная приземистая особа, с бесцветными маленькими глазками и здоровым лицом, спокойная, уравновешенная девица, бредившая спортом и не признававшая ничего иного, помимо него. Она ежедневно делала спортивную гимнастику утром и вечером, проводила большую часть своего времени на чистом воздухе, за партией лаун-тенниса или в лодке, иногда играла с дачными соседями мальчуганами в футбол, приводя этим в ужас почтенную директрису пансиона, или «выжимала» пуды при помощи тяжелых гирь.

В медальоне она носила портрет знаменитого борца чемпиона мира и очень гордилась своим знакомством со всеми приемами русской и французской борьбы. Книжки не пользовались вниманием Сони, кроме спортивных брошюр, изданий Спорта, или самоучителя шведской гимнастики.

Над этими последними она способна была просиживать целые дни. В партиях тенниса и крокета она всегда оставалась победительницей.

И нынче, как всегда.

С гордым, самоуверенным видом носилась она по площадке, выкрикивая с какою-то особенною на английский лад манерою термины игры. И ракетка ее

опустилась только тогда, когда перед нею появилась madame Sept, незаметно подошедшая к играющим.

– Mesdemoiselles, скоро они приедут, – произнесла она по-французски, обращаясь к пансионеркам, – и вы окажете мне лично большую любезность, если встретите m-lle Раевскую, как подобает высокому положению этой юной особы. Она делает мне большую честь, поступая в наш пансион.

– Поздравляю вас, madame, с этой великой честью, – насмешливо прозвучал низкий грудной голос, и баронесса Иза Пель с торжественным видом присела перед француженкой, в то время как черные глаза ее лукаво и задорно смеялись.

– О, mademoiselle Иза, это не относится к вам, – не поняв ее насмешки, произнесла поспешно француженка, – ваш баронский титул уже говорит сам за себя...

– Я предпочла бы быть простой крестьянкой, – засмеялась Иза.

– Comment? – глаза madame Sept, бегло остановившись на ее лице, скользнули дальше и, широко раскрытые, с выражением испуга, остановились на фигуре спортсменки.

– Где ваш жетон? Где ваш жетон, m-lle Sophie? – набросилась она на Соню. – Вам всем необходимо в полном параде встретить вашу новую приятельницу.

– Какой жетон? – пожимая плечами, спокойно спросила та.

– Но наш жетон, выразитель идей нашего пансиона, Sumero sept? Где он? – волновалась директриса.

С тем же спокойствием Соня Алдина провела по груди рукою и, не найдя на ней серебряного жетона, произнесла как ни в чем не бывало, спокойно глядя в глаза начальнице:

– Мне кажется, что я потеряла его в песке, когда играла мою партию в футбол с гимназистами.

– Вы опять играли с гимназистами, несмотря на мое запрещение? Mais Dieu de Dieux! Это невозможно! И так ваши манеры не отличаются изысканностью, m-lle Sophie, а вы... вы... – и madame Sept чуть было не задохнулась от охватившего ее волнения. Глаза ее с укором устремились в лицо провинившейся Алдиной, а с губ готовилась сорваться целая огнедышащая тирада, но тут гром колес подъехавшей чухонской таратайки внезапно прервал дальнейшие намерения француженки.

В тот же миг в дверь террасы просунулось озабоченное лицо m-lle Эми, «масёр», как за глаза называли кроткую, тихую сестру директрисы пансионерки за ее постоянную привычку упоминать о своей энергичной сестре.

«Масёр» делала какие-то отчаянные знаки madame

Sept и пансионеркам, и добрые черные глаза ее выражали не то смущение, не то страх.

– Elles sont là... Elles sont arrivees,⁸ – донеслось отчаянным шепотом до теннисной площадки.

И тотчас же озабоченное лицо снова скрылось за балконной дверью. Madame Sept поспешила навстречу новым пансионеркам.

⁸ Они здесь... Они приехали.

Глава шестая

– А у вас здесь очень мило, – произнесла снисходительным тоном черненькая смуглая девушка, обнимая одним быстрым взглядом и красивую белую пансионную дачу, стоявшую на горе, и мохнатую группу сосен, спускавшихся уступами к самому морю.

Это море сверкало, сияло и серебрилось сейчас на солнце, в просвете деревьев, довершая собою красоту ландшафта. А дальше, позади дачи, шли сосновые леса и дюны с их обрывами в котловины, с обнаженной желтой грудью песчаных холмов.

– Нет, решительно, здесь очень мило! – подтвердила смуглая девушка, в то время как madame Sept распыхалась в комплиментах перед ее рыженькой подругой.

– *Soyez la bien venue, mademoiselle!*⁹ – пожимая руку Досе, пропела самыми милыми и сладкими, какие только имелись у нее в запасе, нотками француженка, отвечая в то же время небрежным кивком головы на поклон Муры. – Мы так давно вас ждали. *Monsieur le general votre pere* не указал настоящего дня приезда, – пела она.

⁹ Добро пожаловать.

«Это прекрасно, это прекрасно! Лучше, нежели я ожидала, она принимает Досю за меня, – в то же самое время радовалась Мурочка, – и таким образом лишает нас необходимости лгать. Действительно, у моей милой Досиньки вид настоящей прирожденной аристократки, тогда как у меня... Фюить!» – и, пряча лукаво заблестевшие глаза под длинными ресницами, Мурочка с деланой скромностью присела перед madame Sept, протягивая ей бумаги, вынутые ею из дорожной сумочки.

– Не угодно ли взглянуть на мои документы, madame?

Великолепным жестом небрежной снисходительности madame Sept взяла бумаги, те самые, в которых значилось: «дочь отставного ефрейтора Евдокия Кирилова», и, поджав губы, наскоро пробежала метрику Доси.

– О, mademoiselle, не беспокойтесь, вы хорошо мне известны и без них, – с любезной улыбкой предупредила она движение Доси, которая тоже было протянула ей документы, переданные ей в поезде Мурочкой. – Пожалуйста, оставьте их у себя. А теперь позвольте вас познакомить, mademoiselle, с вашими будущими сотоварками, – и, взяв под руку Досю, madame Sept подвела ее к группе девушек.

– Дочь генерала Раевского, очень известного в во-

енном мире, вы, конечно, слышали о нем? – с нескрываемой гордостью обратилась директриса к пансионерам.

Каждая приветствовала Досю по-своему.

Коровина с видом самой мрачной решимости пожала ей руку. Рыхлая Анюта протянула ладонь «дощечкой», как это делают простолюдинки, и пропела певуче:

– Будем знакомы. Много наслышаны про вас от нашего папеньки.

Маленькая авиаторша улыбнулась своей далекой улыбкой, делавшей ее прелестной. Спортсменка с такой силой сжала Досины пальцы и так сильно потрянула ее руку, что бедная Дося чуть не вскрикнула от боли, Катя Матушевская приветливо улыбнулась ей всем своим свежим румяным лицом.

Одна только Иза Пель недоверчиво покачала красивой головкой и произнесла, протягивая ей руку:

– А чем знаменит ваш отец? Я знала героя Раевского, мы проходили о нем в русской истории, он, должно быть, ваш предок и военный герой, но современного генерала Раевского, простите, я не знаю.

Но Досе не пришлось ей ответить.

– А меня никто не хочет представить столь милому обществу? Нечего делать, придется это сделать самой, – и смеющаяся рожица Мурочки выдвинулась

вперед.

– Евдокия, сиречь Авдотья Кирилова, – назвалась она, пожимая руки барышень.

– Дунюшка, стало быть, будете. У меня дома тоже сестру Дуняшкой звать. Будем знакомы, – подавая и ей руку «дощечкой», пропела Анюта Велизарьева.

– Какая, однако, неприятная особа эта Кирилова и какое у нее плебейское лицо! Сейчас видно солдатскую дочку. То ли дело эта прелестная выдержанная Раевская? Она похожа на сказочную принцессу. Это изящество, грация, эта врожденная интеллигентность! – пролетали вихри мыслей в голове madame Sept, пока она детально разглядывала обеих девушек, в то время как те знакомились с пансионерками.

– Что у нее за солдатские манеры. Я положительно хорошо сделала, кажется, устроив ее в комнате совершенно одну, – мысленно же заключила почтенная директриса. Потом она решительно подошла к Досе, которую действительно приняла с первой же минуты ее появления за генеральскую дочь.

– Позвольте вас проводить в вашу комнату, chere enfant, – предложила она с тою же утонченной любезностью.

– О, merci, вы очень добры, сударыня, – на изысканном французском языке, который она изучила наравне с Мурочкой, благодаря заботе ее благодетелей,

отвечала рыженькая девушка, – но я попрошу пройти туда со мною и мою подругу; мы никогда не расстаемся с нею.

– Но на эти семь недель вам придется изменить вашим привычкам, дитя мое, и вы будете жить отдельно во все время вашего пребывания в моем пансионе. Вы – во втором этаже, у вас там прелестная комната – салон, а m-lle Дуня – в первом. Для нее тоже приготовлен довольно милый и уютный уголок.

– Мою подругу, между прочим, зовут Досей, а не Дуней, madame, – поправила француженку Дося, сопровождая свои слова ледяным взглядом. – И все-таки я очень прошу вас, madame, отпустить Дося со мною, хотя бы только сейчас на время, если вы уже непременно хотите разъединить нас.

– О, что касается этого, то пожалуйста, mon enfant, пожалуйста, я ничего не имею против того, чтобы m-lle Кирилова проводила вас в ваш салон.

Тут, подхватив под руку Дося и небрежным жестом пригласив Муру следовать за ними, madame Sept повела обеих девушек в дом.

По дороге они встретили Эми. Тихая, застенчивая «масёр» до того растерялась, что стала отвешивать реверанс за реверансом перед мнимой генеральской дочерью, в то время как «настоящая» Мура Раевская задыхалась от усилия удержать смех, глядя на нее.

– M-lle Раевская, дочь известного генерала Раевского, – полным значения голосом представила сестре свою спутницу madame Sept.

– Все выходит как по-писаному, – торжествовала в глубине души Мурочка, – и как это забавно и весело все!

Остановившись на пороге приготовленного для Доси «салона», как называла ее комнату madame Sept, обе девушки не могли удержать крика изумления, вырвавшегося непроизвольно у них обеих. В такой роскошной обстановке им еще не приходилось жить. В доме Раевских все было так просто, там обстановка не была внешней и показной... Здесь же, в этой просторной комнате, действительно похожей на салон знаменитости, были разложены пушистые ковры, развешаны тяжелые, несмотря на летнее время, портьеры, и дорогие хрупкие безделушки, а драгоценная в старинном стиле мебель рококо, и картины в изящных рамах, и прелестные японские ширмы, скрывавшие за собою кровать, дополняли красоту комнаты.

– Ах, боже мой, да зачем же мне вся эта роскошь? – сорвалось непроизвольно с губ Доси, лишь только они переступили порог комнаты. – Право же, все это совсем лишнее, madame!

– Но мы хотели доказать вам, как много дорожим вами, m-lle Raevsky, – с тою же приторно-любезной

улыбкой проговорила, обращаясь к молодой девушке, директриса. – Вы же оказываете мне честь вашим поступлением в мой пансион!

Хорошо еще, что, произнося эти слова, почтенная француженка не обернулась назад. А то она увидела бы презабавную гримасу, сморщившую смуглое личико второй новенькой пансионерки, едва удерживавшейся от смеха.

Выходя из нарядного салона, уже на пороге его почтенная директриса замешкалась немного и бросила Муре небрежно через плечо:

– Когда вам вздумается, m-lle Кирилова, пройти в вашу комнату, позвоните прислуге, она вас проводит туда.

– Oui, madame! – с кроткой покорностью отвечала Мурочка, отвешивая француженке самый почтительный реверанс.

– Наконец-то мы одни, Дося! – вскричала она, лишь только полная фигура директрисы скрылась за дверью. И обе девушки, словно по уговору, бросились в объятия друг другу.

– О, милая моя Досичка! Разве не веселой и забавной кажется тебе вся эта игра? Видишь, как была права твоя глупая Мурка. Разыграно все, как по нотам, и главным лейтмотивом является именно то, чего я так справедливо боялась: генеральская дочь! Теперь, по

крайней мере, мы потешимся вдоволь. Неужели все это не кажется тебе забавным и смешным? – лепетала Мурочка, давая волю душившему ее смеху.

– Да, но ровно постольку, поскольку тебе это не принесет ущерба, – ответила, пожимая плечами, серьезным тоном Дося. – Воображаю, какую конуру отвела тебе эта почтенная дама, раз сама она называет ее «довольно приличным и уютным уголком». И я не успокоюсь до тех пор, пока не сумею убедиться в пригодности твоего гнездышка.

– Ваше высокопревосходительство, смею заметить вам, что вы совершенно упускаете из виду ваше высокое положение, – торжественным голосом, с важным лицом произнесла Мурочка, вытягиваясь, как солдат, в струнку перед подругой и отдавая ей честь по-военному. – И вам не следует снисходить до какого-то «уютного уголка» в буквальном смысле этого слова.

– А все-таки ужасно сознавать, что, когда я сама пользуюсь всевозможными удобствами, ты будешь уютиться бог знает как!

– Перестань, пожалуйста, нить, Досинька. Я уверена, что моя комната во сто крат гигиеничнее твоей. По крайней мере, там нет этих душных портьер и ковра, нет и разных финтифлюшек, которые я ненавижу за то, что они так легко бьются, – решительно заявила Мура, – и чтобы успокоить тебя, я сейчас бегу туда, а

пока addio, mia carrissima! Желаю тебе как можно более успеха в твоей новой роли. – И с этими словами Мурочка выпорхнула из «салона».

Глава седьмая

Светлая весенняя ночь приближается медленными шагами к земле. Уже давно полночь, а на Дюнах почти светло, только там, дальше, на лесистых холмах, где растут стройные, таинственные сосны, царит навеянный лесной чащей полумрак. И в огромном саду, окружающем дачу, тот же сумрак, таинственный, точно робко скользящий в тени деревьев.

В маленькой комнатке, находящейся в первом этаже дачи и переделанной из кладовой, где хранились до сих пор сундуки, корзины и пустые чемоданы, сидит Мурочка.

Четыре аршина в длину и три в ширину – вот все пространство отведенной ей комнатки. Едва умещается в ней узенькая кушетка, заменяющая кровать, крошечный стол и умывальный столик.

Единственный стул придвинут к столу, и, сидя на нем, Мурочка пишет.

Пишет первое письмо к своим улетевшим «птичкам», как она называет родителей в глаза и за глаза. В этом письме Мурочка описывает в юмористическом тоне свой приезд в пансион, предпринятую ею шаловливую затею и получившиеся уже от нее блестящие результаты. «Хотя мне и очень грустно без вас, до-

рогие мои птички, – пишет в заключение девушка, – но тем не менее моя удачная выдумка настолько развлекает меня, что я с захватывающим интересом буду следить за ее продолжением и доставлять вам самые точные отчеты о ней, мои дорогие папочка и мамочка. А пока целую вас ровно столько раз, сколько может это вынести простой смертный, и прошу не забывать бранить вашу проказницу Мурку в письмах, чтобы дать ей возможность получать их почаще, дорогие мои».

Письмо закончено. Конверт заклеен. И маленький пакетик адресован в далекий иноземный курорт, куда поехала чета Раевских. Покончив с письмом, Мура несколько минут сидит спокойно, задумчиво устремив взгляд в открытое окно. Ночной ветерок чуть колеблет ее растрепанные волосы, освежая разгоревшееся лицо девушки.

Сейчас же снова грустно. Письмо растравило тоску по отсутствующим близким. Нестерпимо захотелось их ласки. Захотелось присутствия верного, преданного друга подле себя... Неудержимо остро потянуло к Досе, туда, в ее нарядный шикарный салон...

Но чтобы пробраться во второй этаж к Досе, Мурочке необходимо пройти мимо комнаты директрисы. А та бодрствует, конечно, и выскочит при первом же шорохе и станет допытываться, куда она. Мура, идет.

По пансионским правилам строго воспрещается заходить друг к другу в ночное время.

– Ночью надо спать, пользоваться отдыхом, а не болтать. На это есть день, – раз навсегда изрекла свое правило директриса пансиона и строго наблюдает за тем, чтобы пансионерки следовали ему.

Перед окном Мурочки растет стройная душистая липа. Вследствие ее не в меру разросшихся ветвей маленькой комнатке не суждено видеть солнца. Глаза Мурочки уже давно прикованы к этому тенистому дереву, принявшему фантастический вид в эту белую ночь. Мура знает, что верхним ярусом своих ветвей липа приходится как раз вровень с окном Доси, помещающимся над ее, Мурочкиной, комнаткой. И если она, Мура, при помощи развесистых ветвей липы проникнет через гостеприимное оконце в салон Доси, – какой славный часок откровенной беседы и смеха они проведут вдвоем!

Мурочка, уже не рассуждая больше, быстро вскакивает на подоконник. Вот они, эти милые руки-ветви, которые сами так и протягиваются навстречу к ней... Минута... и Мурочка с ловкостью, которой могла бы с успехом позавидовать любая обезьянка, уже сидит на толстом суку липы, обхватив обеими руками ее ствол.

Теперь остается только влезть осторожно, перебираясь с сучка на сучок, до той толстенной ветки, кото-

рая приходится как раз в уровень с окном Досина салона. Проворно и ловко перебирая цепкими маленькими руками, Мура отважно лезет наверх, не уступая в ловкости и проворстве любому мальчугану. Почти достигнув сука, она поднимает голову вверх и смотрит в окно. Как жаль, что оно не освещено!.. Неужели Дося уже спит в своем пышном салоне?

Как может она спать в эту ночь, полную неотразимой прелести нежного мая! Неужели же она не чувствует, что ее Мура находится здесь, так близко от нее!

– Дося! Дося! Открой окно!.. Ты меня слышишь? Открой окно, Дося! – шепчет Мурочка, вытянув шейку.

Но вместо голоса Доси та же полная тишина.

Тогда Мура, протянув вперед руку и изогнувшись всем своим гибким телом, тихонько стучит в окно... Опять ничего... Ни звука... Как будто в роскошном салоне нет ни души.

– Дося! Дося! Я – здесь. Отвори!

И, произнося эти слова звонким шепотом, Мура уже громче барабанит пальцами по стеклу.

С минуту она прислушивается, затихнув. Никого...

Но вот раздаются шаркающие по полу туфлями быстрые шаги... Разве у Доси есть такие шлепанцы-туфли?.. – смутно припоминает Мура. И в тот же миг испускает испуганный крик. В окне появляется ка-

кая-то худая белая фигура, странно напоминающая Муре кого-то, но она решительно не помнит кого, с лицом, по своей худобе и бледности напоминающим мертвеца, и с совершенно лысой головой.

– Дося! – невольно вскрикивает Мура. – Дося. Это не она... Где она? Куда вы дели ее?

– А-а-а-а! – в свою очередь вопит белая фигура, похожая на скелет. – А-а-а! Ggard aux voleurs! Ggard aux voleurs!¹⁰ А-а-а-а!

Этот вопль так отчаянно пронзителен и громок, что мгновенно поднимает на ноги весь дом. Смутно сообразив об опасности, Мурочка проворно слезает вниз, ловко скользя с ветки на ветку.

Как она могла перепутать окна? Непростительная ошибка!

Рядом с роскошным салоном «генеральской дочки» madame Sept отвела комнату своей сестре, кроткой, тихой Эми, с тем чтобы та могла услужить знатной барышне, дочке, если бы той потребовались ее услуги. В ее окно и постучала по ошибке Мура, приняв его за окно Досина салона.

Теперь, поняв свою ошибку и едва удерживаясь от смеха, вспомнив забывшую впопыхах надеть парик m-lle Эми, Мурочка стремительно спускается на землю.

Она поспевает в свою «кладовую» как раз вове-

¹⁰ Берегитесь воров, берегитесь воров!

мя, когда весь дом, испуганный криком, уже наполнился шумом и суетой. Дворник и две горничные, ночной сторож и даже толстая кухарка Ильинишна – все это мечется по комнатам, отыскивая несуществующих воров под личным предводительством самой директрисы.

– Mais, ой sont, ils done ces voleurs, ou?¹¹ – взывает почтенная француженка, вооружившись зонтиком и заглядывая во все углы, в то время как несчастная, перепуганная «масёр», успев накинуть капот на свое тощее тело и кое-как нахлобучить парик на совершенно лишенную волос голову, уверяет всех и каждого, трясясь, как в лихорадке:

– Mais, oui! Oui, c'etait Lui! C'etait le voleur! Я видела его глаза... Они были ужасные... Они горели алчным огнем, как у тигра или у шакала... И в руке он держал нож, огромный нож...

– Его следовало угостить партией английского бокса, – вставила, выслушав объяснение перепуганной девицы, разбуженная вместе с другими спортсменка, – по крайней мере, навсегда отбило бы охоту залезать в чужой дом.

– Ах ты, господи, угодники божий, страсти-то какие у вас деются! Беспременно папиньку просить буду взять меня отседа. Уж ежели раз жулики объявились –

¹¹ Но где они, воры, где?

беспременно и вдругорядь придут... Да еще нож припасен с ими. Господи, страсти какие! – и, вся дрожа своим рыхлым телом, белая, как мел, Анюта Велизарьева едва могла прийти в себя.

– Неужели с ножом и вправду? – в тон ей испуганно шепчет Катя Матушевская.

– Ах, все это такие глупости, что и слушать стыдно, – слышится насмешливый голос баронессы Изы. – М-ше Эми просто показалось все это. Какие же воры придут в светлую, прекрасную майскую ночь?

– Правда, правда, – подхватила маленькая авиаторша.

– Но если у них был нож?.. Значит, это были все-таки воры! – мрачно вставляет трагическим тоном Коровина.

– Но, боже мой, в таком случае и наша почтенная кухарка Ильинишна тоже вор и разбойник, потому что я несколько раз собственными глазами видела ее, вооруженную ножом. – И черные глаза баронессы Пель насмешливо щурятся, пробегая по все еще взволнованным лицам пансионеров.

Все невольно смеются.

Громче всех хохочет Мура. Ей удастся, наконец, проникнуть к Досе, и, трясясь от смеха, настоящая генеральская дочь поверяет мнимой генеральской дочери только что происшедшее с нею трагикомическое

происшествие.

Но Дося, однако, не разделяет ее веселости.

Дося смущена немало. «Вот оно, начинается! Только что приехали, а уже начались обычные шалости и проказы. И ведь она могла упасть с дерева и разбиться насмерть, к довершению всего, эта нелепая Мурочка».

Вздвогнув от одной этой мысли, Дося принимает ласково выговаривать Муре за ее поступок. Но та только звонко хохочет в ответ.

– Нет, нет, это было восхитительно, я тебе говорю! – едва находит она силы произнести между взрывами смеха: – Ты представь себе только эту картину: длинная, белая рубашка, точно саван мертвеца, совершенно голый, голова, как череп, и вопит благим матом: А-а-а! Les voleurs! Card aux voleurs!¹² Есть отчего умереть со смеху! А я и не подозревала, что милейшая Эми носит парик! Ха-ха-ха!

– Тише, тише, услышат!

– Ах, Дося, мне хочется прыгать, бесчинствовать и кричать!

– А ты должна лечь спать вместо этого, как пай-деточка.

– У-у, как скучно!

– Что делать, детка моя!

¹² Воры! Берегитесь воров!

– В таком случае спокойной ночи, молоденькая мамаша.

– Приятного сна, моя милая дочка.

И, крепко обнявшись на прощание, обе девушки расходятся по своим комнатам, чтобы уснуть без помехи на этот раз.

Глава восьмая

Июнь. Полдень. Знойно палят горячие лучи солнца. Доводит до изнеможения мучительная летняя духота. Затих серый залив, без признака ряби застыла, как неживая, сонная поверхность его. Дремлют без движения старые сосны. Притих шалун ветер. Замерла измученная зноем природа. Острее и крепче чувствуется в этой духоте пряный запах цветов: пышных алых и белых розанов, гелиотропов, левкоя, резеды, красующихся на садовых клумбах.

На обширной площадке, устроенной для игры в теннис, царит та же мертвая тишина. До игры ли при сорокаградусной жаре нынче?

Жалюзи над окнами дают некоторую иллюзию прохлады и красивый желтоватый полусвет.

Благодаря им еще можно заниматься в гостиной. Здесь madame Susanne Sept дает свой обычный урок. Сама директриса сидит на своем обычном преподавательском месте, в «красном углу», как прозвала Иза Пель это привилегированное место почтенной дамы. Вокруг нее восемь молодых девушек разместились на легких бамбуковых стульях. Иза Пель с ее умными насмешливыми глазами и тонким классическим личиком, Катя Матушевская, Анюта Велизарьева, едва не

засыпающая от томленья июльской жары, и прочие пансионерки.

Подальше от француженки поместилась Мура. Рядом с madame Sept, по обе стороны, устроились ее самые «почетные» воспитанницы: баронесса Иза и Дося Кирилова, успешно ориентировавшаяся в роли генеральской дочки за месяц пребывания ее здесь.

– Вы должны знать, mesdemoiselles, – тянет, изнемогая от жары, усталым голосом на своем безукоризненном французском языке директриса пансиона, – что грация движений есть одно из самых первых достоинств светской, хорошо воспитанной девушки. Например: как просто, кажется, поднять с пола упавший платок, а между тем это можно сделать неловко и неуклюже, d'une maniere incroyable, и тонко, изящно, легко. M-lle Sophie, – неожиданно обращается она к Алдиной, – подтвердите мои слова на деле, я бросаю платок, поднимите его.

Соня Алдина проворно поднимается с места и своей размашистой, широко шагающей походкой спортсменки, которой она очень гордится, направляется к платку.

– Ни с места! – громко кричит Мурочка, порывисто бросаясь вперед и пересекая дорогу Соне. – Или вам не совестно исполнять работу домашней собаки? Той только крикнуть: «apporte», и она готова служить.

Что такое? Глаза madame Sept грозным уничтожающим взглядом пронизывают «нахалку». Вот уже месяц, как эта невозможная «солдатка» отравляет ей жизнь, противореча на каждом слове. Когда она, непрощенная и нежеланная, водворилась в их фешенебельном пансионе, был конец мая, теперь же июнь уже на исходе, а между тем за весь этот месяц сколько неприятностей и бед доставило им с Эми это невозможное дитя! Начать с того, что с первой же ночи своего приезда она до смерти напутала бедную кроткую Эми, не делавшую никому вреда, и сама цинично призналась в этом на другое утро. И без малейшего раскаяния при том!

Потом чуть не утопила любимую сибирскую кошку ее, Сюзанны, вздумав выкупать прелестного зверька в бочке с дождевой водой.

А надпись ее, сделанная мелом на воротах главного входа в пансион и торжественно гласившая: «Берегитесь бешеных собак»!.. О!

Вследствие этой надписи пансион целый день осаждали полиция и члены дачного благоустройства, приходившие делать выговор madame Sept по поводу легкомысленного укрывательства ею бешеных собак у себя на даче. Но и этим еще не кончались «художества» солдатки, как заглазно называла, отводя душу, почтенная директриса шалунью. Ее дерзость

дошла до такой степени, что она вывесила объявление о сдаче комнаты со столом за крайне умеренную цену над окном директрисы и превратила, таким образом, фешенебельное заведение в какую-то колокольню. То и дело раздавались звонки у ворот дачи, и желающие нанять комнату с полным пансионом за «крайне умеренную плату» приставали с расспросами к прислуге, пансионеркам и к самой директрисе.

Виновница же всех этих происшествий хохотала до упаду, когда madame Sept вздумала читать по этому поводу ей нравоучение.

Из числа штрафных не выходит она весь месяц, эта несносная Дося, это enfant terrible¹³ почтенного пансиона madame Sept. Серебряный жетон с цифрой 7 хронически отсутствует на ее груди. А косые взгляды, бросаемые на нее директрисой, подтверждают недовольство ею.

Но ей как будто до всего этого столько же дела, сколько и до сегодняшнего урока, тогда как madame Sept имеет твердое намерение продолжать его, так или иначе.

Чтобы поразнообразить свои занятия с пансионерками, почтенная директриса старается вовлечь своих воспитанниц в светскую беседу, причем изображает собою какую-то очень важную титулованную особу.

¹³ Ужасный ребенок.

– Как проводите вы ваш день дома? – спрашивает она «помещицу» Варю от имени воображаемого графа или князя.

Та смущенно объявляет директрисе, что встает она с петухами и целые дни проводит в поле, наблюдая за полевыми работами.

– ...Дальше, дальше, mademoiselle.

– А вечером часто хожу в хлев и сама дою рыжую буренку.

– Comment? – и madame Sept даже подпрыгивает от неожиданности на своем стуле.

– Как? Но вы забыли, m-lle, что перед вами сейчас граф N., светский господин, важный собеседник.

Катя смущается. Ее маленьких глазок сейчас совсем не видно.

– Pardon, madame, этого, кажется, не следовало говорить, – краснея до ушей, говорит она.

– Вот уж напрасно. Что вам стесняться какого-то дурацкого графа, – хохочет Мура, которая, как никто, радуется инциденту, – наверное, какой-нибудь набитый дурак, этот граф с моноклем в глазу, называющий навоз – одеялом плодородия, а свинью – ветчиной! Ха-ха-ха!

– Qu'est-ce que vous dites là?¹⁴ – не понимает французенка и, не получив ответа, продолжает «репети-

¹⁴ Что вы там говорите?

цию хорошего тона», как она называет эти занятия с пансионерками.

– Ваша очередь, m-lle Annette!

Все смотрят на Велизарьеву, приютившуюся в укромном уголку, и веселый взрыв смеха оглашает комнату.

– Мымм! – мычит всхрапнувшая под шумок и музыку «купчиха». – Мымм! Нешто время идти ужинать?

И ее белое рыхлое лицо с бессмысленно остановившимся взглядом так комично в эту минуту, что даже требовательная madame Sept не может рассердиться на эту так несвоевременно заснувшую девушку.

– Вот так беседа с графом! Фюит! – свистит Мурочка и заливается смехом.

Почтенная директриса останавливается на ее лице грозным взглядом.

– Mademoiselle, если у вас нет желания заниматься, не мешайте другим, повторяю вам это во второй раз, – говорит она. – Можете выйти, если желаете. Все равно мои уроки не принесут вам пользы, – с уничтожающим презрением заключает француженка.

– Я в этом нимало не сомневаюсь, madame, – не остается в долгу Мура и, широко пользуясь данным ей правом, порывисто встает, причем роняет стул и едва не разбивает фарфоровую лампу, стоявшую подле на

высокой тумбе.

– Тралллляляля, – напевает она себе под нос веселенький мотивчик, направляясь к двери. Полный укора взгляд Доси следует за нею от рояля. Но Мурочка делает вид, что не видит его, и как ни в чем не бывало птичкой перепархивает порог комнаты.

– Слава богу, вырвалась на волю! – говорит сама себе со вздохом облегчения шалунья. – Ну, уж теперь больше ни за какие коврижки вам не заманить меня на ваш дурацкий урок!

Глава девятая

Какая тоска, однако, что бы придумать такое?

Из гостиной все еще доносятся соната Бетховена, голос madame Sept, продолжавшей свои занятия и вполне, очевидно, вошедшей в свою «графскую» роль, и отвечающие ей нетвердые голоса пансионеров.

Мура машет рукой и смеется.

– Дорогой граф, мое любимое занятие перевозить навоз, доить коров или париться в бане, – с величественными жестами, отвешивая низкие реверансы невидимому собеседнику, говорит она, стоя за дверью. – Ха-ха-ха! Милый разговорчик, нечего сказать! – и заливается смехом. Но в глубине души ее все же точит червячок скуки. Пансионерки на уроке, Доси нет, не с кем слова сказать.

«Не пройти ли пока скуки ради в комнату m-lle Эми?» – мелькает мысль. Тихая, кроткая «масёр» не менее, нежели всем прочим пансионеркам, нравится и Муре. Правда, она немножко не в ее, Мурином духе, размазня и тихоня, но в сущности, славный экземпляр, по мнению Мурочки, и, право, не грех зайти к ней с визитом в неурочное время.

И с самыми благими намерениями сразу оживив-

шаяся девушка стучит в дверь m-lle Эми.

– O n'entrez pas, n'entrez pas!¹⁵ – раздается оттуда испуганный голос.

Этого вполне достаточно для того, чтобы, движимая непреодолимым любопытством, Мурочка широко распахнула дверь.

– Bonjour, m-lle Эми! Что вы делаете здесь? – говорит она самым невинным тоном, вытягивая шейку и любопытными глазами обегая комнату.

– О, о! – визжит сконфуженная Эми и набрасывает носовой платок на свою так рано облысевшую голову.

– Ага, понимаю, вы чистили вашу прическу, – тем же ангельским тоном, подходя к ней, говорит Мура.

Действительно, m-lle Эми чистит парик, давно от времени и пыли превратившийся в какой-то темно-серый комок. И вот, при помощи пудры и бензина «масёр» во что бы то ни стало хочет вернуть надлежащий вид «прическе», как называет, по урочденной ей деликатности, Мура этот парик. Однако это не так легко сделать. Облака пудры носятся по комнате. Они усеяли пол и стулья, лезут в нос и в рот, противно щекоча горло и поминутно заставляя чихать и кашлять. От противного запаха бензина уже давно кружится голова и сосет под ложечкой, а чистка парика далеко еще не достигла желанного результата.

¹⁵ Не входите! Не входите!

Красная и смущенная, m-lle Эми безнадежными глазами смотрит на Мурочку.

– O, il a ete beau!¹⁶ – говорит она уныло, теребя окончательно испорченные серо-бурые пряди. – Да, он был прекрасен, когда был молод... Время портит и старит все... не только вещи, но и людей! – заключает она с меланхолическим видом, и Муре кажется, что слезы появляются в больших кротких глазах француженки. Ей становится нестерпимо жаль эту бедную кроткую «масёр», почти всю свою жизнь прожившую под строгим наблюдением своей деспотичной сестрицы, и она во что бы то ни стало хочет помочь Эми.

– Милая m-lle Эми, – говорит ласково Мура, – не попробовать ли вам покраситься немножко? Чуть-чуть?

– O, non. Au nom du Ciel, non!¹⁷ – испуганно шепчет Эми, – если ma soeur Susanne узнает, она останется очень недовольна этим.

– Гм! Гм! Вы правы, пожалуй, – немедленно соглашается Мура и задумывается на одно мгновение.

Вдруг она ударяет себя ладонью по лбу и радостно говорит своим звонким голосом, жестикулируя и волнуясь:

– O, m-lle Эми, я придумала, наконец! Это будет последний шик! Последний крик моды! Это будет боже-

¹⁶ O, он был прекрасен!

¹⁷ O, нет. Нет, ради бога!

ственно, уверяю вас! Я вспомнила сейчас о тех французских актрисах, которые обесцвечивают себе волосы при помощи нашатыря и перекиси водорода, и волосы делаются у них как золото... И если вы решите только, то при моем благосклонном участии и при помощи этого состава ваша прическа примет свой прежний прекрасный вид. Даже гораздо более элегантный, нежели прежде, потому что ваши волосы присвоят себе золотистый оттенок. Ах, это будет прелестно, уверяю вас!

И Мура прыгает и хлопает в ладоши в восторге от своей выдумки.

М-lle Эми смущена. Она слышала и знает о способе, при посредстве которого можно превратить какой угодно цвет волос в золотистую блондинку, но она еще не решается пойти на это. Она боится показаться эксцентричной. Что скажет сестра?

Но добрая Эми не долго борется со своими сомнениями.

Враг-искуситель слишком силен. Кому не захочется быть золотистой блондинкой? А эта маленькая Мура, кстати, так убедительно говорит сейчас!..

– О, она будет в восторге, ваша сестра, – шепчет снова маленькая искусительница. – Да и потом, в сущности, она даже вряд ли заметит перемену в цвете прически. Ведь мы только вычистим волосы и чуточ-

ку их позолотим! – возбужденно заключает она, суетясь и волнуясь гораздо больше самой обладательницы прически.

M-elle Эми сентиментальна. Ей давно нравятся поэтичные типы с белокурыми головками, отливающими золотым блеском. Они так трогательны всегда! И при задумчивых карих или голубых глазах они кажутся прелестными.

И подняв к небу свои собственные выцветшие глаза и томно вздыхая, она, наконец, отбрасывает последние колебания в сторону и дает свое согласие.

Веселое «ура» срывается с губ Муры, и она стремительно бежит куда-то.

Провизор, почтенный человек в синих очках, удивленно взглядывает поверх стекол на смуглую барышню, ворвавшуюся к нему ураганом в аптеку. Пока он отпускал перекись водорода и нашатырь Муре, та уже успевает раздражить мирно дремавшего на диване кота и перечитать все этикетки спрятанных в шкалу снадобий.

Через пять минут она уже снова в пансионе. И, запершись с m-lle Эми в ее комнате, долго колдует в полной тишине. Торжественное священнодействие над злосчастной прической длится гораздо более часа, и когда к обеду обе выходят к столу, весь состав пансиона, во главе с самой директрисой, дружно аха-

ет при виде головы m-lle Эми. Темно-русый до этого дня, хотя и грязный, парик теперь волею судьбы в лице Муры превращен в какие-то безобразные лохмотья мочально-яичного цвета. Никакие, даже самые тщательные завивки, ни ondulation не были в состоянии смягчить ужасного впечатления, получающегося от этого невозможного, местами льняного, местами ярко-рыжего, местами красно-желтого цвета яичного желтка парика.

– Oh, quelle horreur!¹⁸ – вырывается с неподдельным ужасом из груди madame Sept, когда ее сестра появляется перед нею и она смотрит на пеструю голову m-lle Эми таким взглядом, точно перед ее глазами не эта кроткая голова, а бенгальский тигр или сказочное чудовище.

– Mais... mais... ma soeur! – лепечет смущенная Эми, краснея до слез под этим взглядом.

Бедная Эми! Уже там, в своей комнате, несчастная убедилась в полной несостоятельности парикмахерских способностей Муры и жестоко каялась в чрезмерном доверии, оказанном ей. Но сейчас, когда десять пар глаз устремились, с выражением тихого ужаса, на ее злосчастный парик, сейчас она убедилась, что жизнь, в сущности говоря, прескучная история.

И сама виновница происшествия чувствовала себя

¹⁸ О, какой ужас!

не лучше пострадавшей.

– Уверяю тебя, что это вышло нечаянно... нечаянно, клянусь тебе, Дося, – взволнованно шептала Мурочка, улучив удобную минуту и пробравшись к своему верному другу.

– Ах, детка, детка, ты своими выходками сведешь меня с ума! – покачивала головкой Дося.

Нечего и говорить, что madame Sept скорее других поняла, кто был виновником несчастья, приключившегося с ее сестрою.

Смущенное личико Муры говорило без слов само за себя. Молодая девушка самым чистосердечным образом раскаивалась в происшедшем. Менее всего желала она обидеть добрую, тихую Эми, мухи не обидевшую на своем веку.

Но ей не поверили, конечно. Не поверили ни madame Sept, ни сами пансионерки.

С горьким чувством поймала Мурочка исполненный укора взгляд красивой Изы. И даже, кажется, сама Дося сомневалась как будто в искренности и чистоте ее благонамерений по поводу этого ужасного парика.

О, это было бы уже слишком! Как несправедливы люди!

И мгновенно светлое настроение Муры падает, исчезает. Тихая грусть обволакивает сердце.

Она не замечает колючих, как иглы, взглядов

madame Sept, не слышит укоряющего ее шепота соседки Анюты Велизарьевой, которая, пользуясь рассеянностью директрисы, уничтожает осетрину при помощи ножа и тихонько усовещает Муру по поводу ее поступка.

Уж этот поступок! Ах, не в добрый час пришла ей в голову эта несчастная мысль! Противный нашатырь! Противная перекись водорода! Что за ужасное положение создали они!..

Глава десятая

На курорте, находящемся в нескольких верстах от пансиона, ежегодно устраивался костюмированный бал.

Пансионерки madame Sept давно уже готовятся к этому балу.

Говорили о нем еще в конце июня, когда вечера были прозрачно-тихие с летними сумерками, с нежным дыханием ветерка.

Теперь уже июль на исходе. В полдень нестерпимая жара, вечером – прохлада и мрак. Теперь по вечерам нашлось новое занятие для пансионерок: они готовят себе сами костюмы для предстоящего бала. Впрочем, шьют костюмы не они. Кроткая m-lle Эми, примирившаяся с печальной участью, навязанной ей судьбой, в виде пестрого, похожего на паклю парика, и приглашенная ей в помощь из города портниха деятельно занялись шитьем. Сама madame Sept распределила костюмы: изящная генеральская дочка, в лице нежной белокуро-рыженькой Доси, должна одеться феей весны, красивая баронесса Иза – богиней ночи, толстая Велизарьева русской боярышней, Катя Матушевская – цветком мака, Ия Коровина – мрачным ангелом смерти, маленькая авиаторша

Вава – мотыльком, Соня Алдина – рыбачкой и, наконец, ненавистная почтенной директрисе «солдатка» – Folie.¹⁹

– Ca vous passe le mieux!²⁰ – не без ехидства подчеркивает она, обращаясь к Мура.

Костюм Безумия с его звонкими колокольчиками как нельзя более импонирует последней. В нем можно шалить и бесчинствовать сколько угодно. И Мура улыбается довольной улыбкой. За последнее время она постоянно находится под «штрафом» и почти не видит жетона у себя на груди. То и дело приходится его снимать, возвращать по принадлежности и выслушивать при этом фразы вроде следующей из уст madame Sept:

– Я не хочу, да и не имею права наказывать таких взрослых девиц, что было бы смешно и нелепо, по меньшей мере, но, отбирая у вас жетон, я хочу этим выразить вам свое неудовольствие. Эта исполненная символов вещица не может оставаться в руках такой легкомысленной особы, как вы. И ваши проступки...

В чем, собственно говоря, заключались Мурины проступки? Если не считать так неудачно «обесцвеченной» головы этой милой m-lle Эми, она виновата, пожалуй, только в том, что написала зонтиком экс-

¹⁹ Безумием.

²⁰ Это вам больше всего подходит!

промт, посвященный madame Sept, на песке пляжа, в часы купанья. И гуляющая там публика много смеялась, познакомившись с ее довольно-таки своеобразной музой. Или тем, что, приобретя несколько воздушных шаров у разносчика, она привязала к каждому из них по карикатуре, а самые шары на длинных нитках прикрепила к ветвям деревьев.

В карикатурах легко можно было узнать самое madame Sept в разных проявлениях ее жизни.

На одном рисунке она пудрится, на другом распечатывает кухарку, на третьем снимает папилютки, на четвертом катается верхом на кошке Ами.

Следующая карикатура m-lle Эми с патетическим видом и лысой головой, заломившая в отчаянии руки над испорченной прической. И, наконец, всех пансионеров Мура довольно удачно изобразила в виде животных.

Высокую мрачную Ию Коровину – в виде жирафа, Досю – грациозной кошечкой, Изу – красивой ланью, Анюту Велизарьеву – коровой, и все в таком же духе. Целые три часа болтались карикатуры под деревьями, в то время как воздушные шары на длинных нитях красовались над вершинами сосен. Это было довольно забавно, и Мура никак не могла решить, за что, собственно говоря, с нее сняли жетон, как только madame Sept вернулась из сада.

Карикатуры вышли настолько удачными, что сами пансионерки выпросили их на память у Муры. Одна Анюта только очень обиделась на Мурочку.

– Сами-то не больно хороши, – шипела ей вслед раскрасневшаяся «купчиха». – Я хоть и толстая, зато белая да гладкая, не то что другие прочие, разные какие... – И она сопровождала свои слова уничтожающим взглядом.

– Милая m-lle Annette, пожалуйста, не сердитесь, – миролюбиво-ласково обратилась к ней Мурочка. – Право же, я совсем не имела в виду обидеть вас. Видите, я и себя не пощадила.

И она протягивала Анюте Велизарьевой бумажку с изображением ее самой, в виде облезлой, уродливой, худой собачонки, с корявыми лапками и выдерганным хвостом.

– Подите вы... – сердито отмахивалась Анюта.

* * *

Вот он наступил, наконец, так страстно ожидаемый вечер!.. Уже давно гремела музыка в курзале, и тонкий, изящный дирижер успел уже охрипнуть, выкрикивая названия модных танцев и бесконечных фигур контрдансов... Давно кружились, прыгали и грациозно извивались все эти изящные, прелестные феи,

пастушки, коломбины, бабочки, розы, фиалки, Жанны д'Арк, Психеи и Дианы в обществе неотразимых Пьеро, Арлекинов, римских воинов, демонов, гениев и русских бояр.

А пансион madame Sept все еще не появлялся среди танцующих. Дело в том, что madame Sept давала последние инструкции пансионеркам. Собрав в гостиной уже давно одетых к балу девиц, она появилась, наконец, торжественно-пышная в своем новом платье, в сопровождении Эми, соорудившей над своей вылинявшей прической что-то среднее между чепцом и бантом.

– Mesdemoiselles! – произнесла торжественнее, чем когда-либо, madame Sept. – Сегодня вам представляется случай с честью вынести испытание и поддержать честь нашего пансиона. Помните, что вы, как питомицы его, должны строго отличаться своими манерами, грацией и изяществом от того общества, с которым вам придется встретиться на балу сегодня. Будьте же как можно внимательнее к себе, mesdemoiselles, следите за собою и помните, что тысячи глаз будут устремлены на вас с целью подметить какое-нибудь упущение, какой-нибудь недостаток. Люди часто бывают злыми из зависти. Имейте это в виду. Ну, а теперь едем! Il est temps!²¹

²¹ Уже время!

– Слава богу! Кончила! – непроизвольно вырвалось из груди Мурочки, обожавшей шум и веселье танцевальных вечеров, где можно было двигаться, прыгать, смеяться. – Можно ехать, наконец!

И зазвенев всеми бубенчиками своего пестрого гремучего костюма и мелькнув короткой, яркой, полосатой юбкой, она первая бросилась вперед. Но пока размещались на пяти чухонских пролетках-таратайках, прошло немало времени. Ради усовершенствования хорошего тона madame Sept строго следила за каждой садившейся в «экипаж» воспитанницей пансиона. У нее создалась целая наука не только, как принимать гостей, сидеть за столом, поддерживать беседу, вести себя на прогулке, но и как ездить в вагоне, плыть в лодке, играть в крокет и теннис и кататься в экипажах, хотя бы последний был простой финской трясучкой. И сейчас, не сообразуясь с местом и временем, она, верная себе, муштровала девиц:

– M-lle Sophie, как вы заносите ногу на приступку? Oh, Dieu! Разве может быть у барышни такой шаг? Он впору какому-нибудь лодочнику, а не девице хорошего тона. M-lle Annette, зачем вы так пыхтите, когда усаживаетесь в экипаж? M-lle Barbe! Не надо так прыгать... Для благовоспитанной барышни это не годится. M-lle Catrine, боже мой, вы отдавили мне ногу. Какая непростительная неловкость!.. M-lle Кирилова?

Ou-etes vous, done?²²

– Я здесь! – отзывается с самой дальней таратайки веселый голосок Муры, и все ее бубенчики звенят, как звонкий ручеек весной.

– M-Ile Кирилова! Вы едете со мной!

О, какое грустное разочарование для бедной Муры! Она только что устроилась в одной пролетке с милой Досей, приготовилась как следует поболтать, посмеяться во время дороги, и вот...

С вытянувшимся личиком направляется она к знакомой фигуре, маячившей на дороге при свете ближнего фонаря.

– Je suis ici!²³ – говорит она унылым тоном, и самые бубенчики теперь звучат как будто уже тише и печальней. Это «je suis ici» так и остается единственной фразой, произнесенной ею за всю дорогу до курзала.

Мура молчит, точно в рот воды набрала, предоставляя madame Sept говорить и читать ей нотации.

Наконец-то, приехали! Какая радость!

– «Семерки» идут! «Семерки» здесь, господа! – проносится громкий шепот по всему курзалу, когда пансион madame Sept, с его почтенной директрисой на авангарде и с кроткой Эми, уныло замыкающей шествие, попарно является в зале. Сами пансионер-

²² Где же вы?

²³ Я здесь!

ки отлично знают свое прозвище «семерок», данное им окрестными дачниками, и улыбаются каждый раз, услышав его. Зато madame Sept заметно злится.

– Какая невоспитанность! – шипит она, бросая вокруг себя молниеносные взгляды. И внезапно меняется в лице при виде Мурочки, успевшей умчаться на середину зала с высоким рыбаком-неаполитанцем. Как? Броситься, очертя голову, с первым попавшимся кавалером в танцы, когда она, madame Sept, кажется, весьма понятно запретила танцевать всем своим пансионеркам с незнакомыми людьми? Ведь, чего доброго, эти незнакомцы могут оказаться простыми рабочими, неинтеллигентными приказчиками, лакеями, наконец! И она уже не спускает глаз с улетающей от нее все дальше и дальше в вихре вальса парочки.

– Уж эта несносная «солдатка»! Ей весело. Глаза блестят. Смуглое лицо так «вульгарно» сияет. Сейчас видно плебейку. Ужас, а не барышня! – возмущается madame Sept, негодуя и сердясь.

* * *

А Муре действительно весело. Личико ее оживлено. Улыбка не сходит с губ. И звонко, заливчато смеются бубенчики на ее костюме.

– Милое Безумие, – говорит ей ее кавалер, неапо-

литанский рыбак, и смеющимися глазами смотрит на Муру, кружась с нею под звуки мелодичного вальса, – как вам должно быть скучно в вашем несносном пансионе? Да?

– А почему вы знаете, что он несносный? – смеется Мура.

– Да разве вместилище хорошего тона может быть иным? – отвечает рыбак.

– Ха-ха-ха! Вместилище хорошего тона, хорошо сказано! Вы правы, у нас царит зеленая скука и, если бы не моя милая Досичка...

– Кто?

– Богиня весны... Вон она танцует с высоким монахом. Вы видите ее?.. Не правда ли, она красавица, эта очаровательная Весна? – и Мура с восторгом смотрит на приближающуюся к ней подругу.

Она действительно хороша и эффектна, эта высокая, стройная девушка в длинной голубой тунике, с молочно-белым шарфом, развевающимся волнами, наподобие весеннего облачка, за плечами, и с венком ландышей на золотистых волосах.

Неаполитанец-рыбак внимательно смотрит на рыженькую Весну, потом переводит глаза на свою даму.

– О, я знаю еще более интересное личико! – улыбаясь, говорит он.

– Неправда, неправда, – кричит в забывчивости Му-

ра, – разве есть кто-нибудь лучше ее? Никто! Никто! Что я в сравнении с нею? Нос картофелиной, губы, как у негра, рот до ушей, – «интересное личико», нечего сказать, – и она возмущенно звонит всеми бубенчиками.

Высокий неаполитанец, как оказывается, молодой морской офицер, Мирский, попавший на этот вечер случайно, как он поясняет Муре. Он только недавно приехал из плавания, объехал полмира. Был на Яве, Целебесе, Брамапутре. Их два брата в семье. Вон тот красивый демон, что танцует с хорошенькой феей, – это его брат, горный инженер. Фея ночи – Иза Пель – как раз сталкивается с ними в эту минуту.

Мура звонко хохочет.

– M-Ile Иза, милая m-Ile Иза? Вам весело? Да?

Красивая еврейка поднимает на нее черные глаза.

– А вам, детка?

Вслед за Досей весь пансион называет так Муру. Нет ничего удивительного в этом. Она моложе их всех здесь и кажется, несмотря на свои шестнадцать лет, настоящим ребенком. И потому ее шалости и проказы не возмущают девиц.

– Ужасно! Ужасно весело, Иза. У меня такой интересный кавалер! Умный, разговорчивый, милый! Он объехал полмира и был даже на Брамапутре и Целебесе, – говорит, нимало не смущаясь, Мурочка по-

французски, совершенно упуская из вида, что ее кавалер лучше, чем кто-либо другой, может знать этот язык. Так оно и выходит на самом деле.

– Благодарю за лестное мнение, – насмешливо раскланивается он перед своей юной дамой.

– Ха-ха-ха! Вы поняли? А я и забыла совсем, что вы тоже можете говорить по-французски, – весело расхохоталась Мура.

Должно быть, этого не следовало говорить, потому что на лице незаметно подкравшейся к ним madame Sept выразилось самое неподдельное отчаяние.

– Venez ici, m-lle Kiriloff! Vous etes insupportable!²⁴ – шипит она по адресу Муры.

Все оживление сразу слетает со смуглого и ярким румянцем разгоревшегося личика, и с убитым видом Мура подходит выслушивать нотации о хорошем тоне. Когда она возвращается снова к своему кавалеру, героически выжидавшему в стороне конца нравоучения, неаполитанский рыбак говорит ей весело, желая подбодрить свою приунывшую даму:

– Как ни строга ваша почтенная директриса, как ни несправедлива она к вам – такому славному маленькому человечку, тем не менее я должен благословить ее.

– За что? – и глаза Муры снова загораются оживле-

²⁴ Подойдите сюда, m-lle Кирилова, вы невозможны!

нием.

– А за то хотя бы, что она дала мне возможность узнать вашу фамилию. Вы m-lle Кирилова, да?

– И ничуть ни бывало! – раздражается хохотом Мурочка и так машет руками, что срывает колпак с головы какого-то не вовремя подвернувшегося Пьеро.

– Моя фамилия Ра... – начинает она и вдруг обрывает фразу на полуслове и вспыхивает, как зарево. – Нет, нет, ни слова больше!.. Я должна молчать.

– О чем вы должны молчать, m-lle Ра?

– Ха-ха-ха, вот так фамилия!

– Но ведь вы же сами так назвались.

– Послушайте, господин мичман, или неаполитанский рыбак, все равно, я нечаянно чуть не открыла вам тайны, которую никто не должен знать в пансионе, – самым серьезным образом говорит своему кавалеру Мура, – может быть, когда-нибудь потом я вам ее открою, если нам суждено еще встретиться, но сейчас я беру с вас торжественное слово, что вы никому не скажете, что я не Кирилова, а...

– Ра... – подсказывает со смехом моряк.²⁵

– Ну, да... если хотите.

– Клянусь! Клянусь! Клянусь! – говорит он деланным басом.

– Это очень мило с вашей стороны. И в награду за

²⁵ *Rat* – крыса по-французски.

ваше молчание я расскажу вам, пожалуй, про все мои несчастья.

Веселое, модное Ки-ка-пу только что кончилось, и Мурочка в ожидании следующего танца прогуливается со своим кавалером по зале.

Обмахиваясь веером, она рассказывает ему и про неудачную окраску волос парика, и про билет с объявлением, и про карикатуры под воздушными шарами, и про неудачное купанье беленькой Ами, сибирской кошки, и прочее, и прочее, и прочее...

Молодой мичман от души хохочет.

Вдруг Мура замолкает среди самой оживленной беседы и, принимая натянуто-неестественный вид, начинает вести разговор в духе хорошего тона, которым так добросовестно начиняет их madame Sept.

– Monsieur, – говорит она с величавым жестом, – чем будете вы занимать великосветскую девицу хорошего тона?!

– О, это не по моей части, – смеется мичман, поняв шутку, – а вот если бы вы разрешили покатать вас на яхте... Вы чувствуете, какой дивный ветер подул с моря?

Действительно, в открытую дверь залы ворвалась свежая, душистая волна ночного ветра и заколебала воздушные облака тюля, газа и кружев на изысканных костюмах дам и девиц.

– Прогулка на яхте – при луне, о, какая прелесть! – и Мурочка радостно хохочет, совершенно забыв об окружающей ее обстановке. – Постойте, я только позову спортсменку, – неожиданно говорит она.

– Кого?

– Соню Алдину – поклонницу всяких видов спорта. Она точно так же, как и я, любит такие прогулки.

– Прекрасно, а я тем временем пойду заказать лодку.

Неаполитанец спешит на далекий мол, убегающий в море, где спекулирует своими яхтами и паровыми лодками какой-то почтенный денди из финнов. А Мурочка в это время разыскивает спортсменку довольно-таки примитивным способом.

– M-lle Sophie! M-lle Sophie! Ay-ay! – кричит она звонко на пляже, нимало не заботясь о том, что курорт – не лес.

Наконец, обе девушки сталкиваются случайно у памятника Петра Великого, возвышающегося посреди курортного сада. Лицо «рыбачки» красно от негодования, губы дрожат, и из глаз ее готовы брызнуть слезы.

– *In corpore sano, mens sana!*²⁶ А она придирается и шипит, как змея, точно я не бог весть что натворила! – жалуется она Муре плачущим голосом. – А что я сделала дурного в сущности: в полторы минуты положи-

²⁶ Латинское изречение: в здоровом теле – здоровая душа.

ла его на обе лопатки...

– Кого вы положили на обе лопатки, несчастная, – допытывается со смехом Мура.

– Да Пьеро... Знаете, соседнего реалиста... Тоже хвастунишка, подумашь! Чемпион мира какой выискался! Хвастал, что выжимает по четыре пуда, а сам сразу – шлепс. «Мускулы у вас, – говорит, – как у нашего дворника Филиппа». У меня это, видите ли. Но это все оправдание. При чем тут мускулы, когда ловкость важна. Верите ли, детка, чуть не заревел от обиды. Это пятнадцатилетний оболтус-то... А тут, как назло, Септиха... Увидела и давай шипеть, что это скандал, что это позор для всего пансиона. Не скандал и не позор, а настоящая французская борьба по всем правилам. А она ничего не понимает...

– Ха-ха-ха! – так и залилась веселым смехом Мура. – Куда уж ей понять! Ха-ха-ха!

– Да, вам хорошо хохотать. А она велела сейчас же домой отправиться с Эми. И жетон сняла.

– Ну, а мы, вместо того чтобы домой, покатаемся на яхте.

– Что? – глаза спортсменки сразу просияли, и унылое лицо ожило и просветлело. – Да вы что, шутите, детка?

– Какие там шутки! Давайте руку и бежим скорее!

– Ах вы прелесть моя! – и, схватившись за руки,

рыбачка и Folie бросились бежать вдоль освещенного электричеством пляжа.

Глава одиннадцатая

Нет, решительно не везло madame Sept в этот вечер! Едва оставив Софи Алдину, победившую какого-то пучеглазого мальчугана по всем правилам французской борьбы, почтенная директриса бросилась по направлению курзала на поиски за сестрою, с целью передать ей свое неотступное решение собирать пансионерок домой. Для сокращения пути к главному входу почтенная директриса свернула в боковую, темную аллею. Здесь было тихо и мертво. Заглушенными звуками доносилась сюда музыка бального оркестра.

Причудливыми призраками казались в темноте деревья и кусты.

Вдруг странный грозный голос прогремел неподалеку от madame Sept, заставляя ее задрожать всем телом. Ноги француженки подкосились, и она опустилась на первую попавшуюся скамью.

А грозный голос все гремел в кустах все страшнее, все глуше. Как будто кто-то слал в темноту ночи исступленные, жуткие проклятия. Слова произносились по-русски, и перепуганная директриса, конечно, не могла их понять, но одно слово, повторяемое на тысячу ладов, показалось ей знакомым и усилило охвативший ее душу страх. Это страшное слово бы-

ло «убью». К довершению несчастья, грозное, невидимое существо вдруг зарыдало жутким рыданием. Как ужаленная, испутив пронзительный крик, вскочила француженка и бросилась бежать от рокового места, не зная, что думать обо всем слышанном ею. Бедная madame Sept! Она оказалась бы крайне удивленной, если бы увидела, что произошло в следующий же по ее исчезновению миг.

Кусты раздвинулись, и на аллею, не торопясь, вышла Ия Коровина в своем костюме ангела смерти. Вдохновил ли этот костюм Ию, или настроил ее меч, аксессуар костюма, который она держала в руке, но внезапная волна артистического вдохновения подхватила девушку, и она, уединившись в кусты, увлеклась своими любимыми трагическими монологами, произнося их во всю ширь легких, во весь свой мощный голос.

Между тем испуганная директриса, как пуля, ворвалась в залу и стала торопливо собирать пансионеров домой.

Она казалась очень взволнованной всем происшедшим, слишком взволнованной, чтобы обратить внимание на то, что повергло бы ее в отчаяние в другое время.

Анюта Велизарьева, в своем расшитом серебряными галунами, роскошном костюме боярышни, сидела

в укромном уголку зала и как ни в чем не бывало щелкала орехи, которые вынимала из лежавшего у нее на коленях узелка. И бесцеремонно бросала себе под ноги скорлупу.

Вокруг Велизарьевой переглядывались, слышался насмешливый шепот по ее адресу, бросались саркастические взгляды, но Анюта вся ушла в свое занятие и нимало не смущалась обращенным на нее вниманием публики.

Она словно проснулась тогда только, когда готовые к отъезду пансионерки не без тревоги стали переговариваться между собой.

– А где же Кирилова и Алдина? Куда они девались? Их нет!..

Глаза *madame Sept* тревожно обежали всю группу пансионерок.

– Их действительно нет. Где же они?

И она заметалась по залу вместе с сестрою и Досей, перепуганной больше всех отсутствием Муры, наскაკивая на танцующих, заглядывая каждой барышне в лицо.

– *Dieu des Dieux!* Да где же они, Эми? Где? – звывала директриса, забыв и великосветские манеры, и хороший тон, и изящество с грацией в эти мгновения.

– *Calme-toi, ma soeur!*²⁷ Они найдутся, – отзывалась

²⁷ Успокойся, сестра!

кроткая Эми белыми от волнения губами.

И в тот же миг точно из-под земли вырастает перед ними пучеглазый Пьеро, их сосед по даче.

– Вы ищете двух барышень? Они поехали кататься на яхте в море! – говорит он, желая успокоить всех.

– Кататься в лодке? Ночью? О, это уже слишком!

В одну секунду лицо madame Sept из испуганного превращается в негодующее.

– Эми, – говорит она, обращаясь к сестре с великолепным жестом негодования, – ты проводишь всех этих барышень домой. Я же останусь ожидать здесь на пляже Кирилову и Алдину. Уезжайте, сейчас же... Я так хочу!

– Oui, ma soeur! – покорно соглашается тихая Эми и, как наседка цыплят, уводит пансионерок из курзала.

Не дождавшись конца вечера, «семерки» покидают бал...

* * *

Какая ночь! Темная, ни зги не видно. Таинственный июль обвеял непроглядным мраком природу в этот полночный час.

Черная мгла притаилась по обе стороны дороги.

Редкие фонари светят на шоссе, но при бледном свете их едва можно различить окружающие предме-

ты. Густые лиственницы и высокие сосны, растущие с обеих сторон пути, делают его похожим на лесную дорогу.

И притом вокруг царит такая жуткая, могильная тишина! Если бы знать все заранее, madame Sept приказала бы Эми прислать им извозчиков навстречу. Те, которые стояли у курорта, была разобраны в один миг разъезжавшейся публикой в этот поздний час, и им пришлось пуститься в путь пешком от курзала. Последний поезд-паровик давно уже ушел.

Правда, молодой человек, назвавшийся мичманом Мирским, предложил проводить их до Дюн, но madame Sept так негодовала на этого молодого человека за то, что он повез кататься на яхте ее пансионера, что и слышать не хотела о какой бы то ни было с его стороны услуге.

И вот они храбро шагают все трое по мертвой ночной дороге – и сама почтенная директриса пансиона, и две барышни-пансионерки в своих эксцентричных бальных костюмах.

Обеим девушкам как-то тоже не по себе. Какую прекрасную морскую прогулку сделали они все трое! Их кавалер, этот любезный Мирский, был таким остроумным собеседником все время. Он столько видел интересного во время своего морского плавания, что мог многое порассказать им. И слушая его рассказы, они

так весело провели незаметно пробежавшее время. Причалили к берегу и сразу увидели поджидавшую их на пляже директрису. Это был не совсем приятный момент. И не будучи в состоянии выкинуть из памяти этот неприятный момент, уныло бредут теперь домой обе девушки. Даже Мурочкина постоянная веселость на этот раз как будто изменяет девушке. И сами веселые колокольчики Folie словно звучат печальнее и тише...

А черная июльская ночь по-прежнему таинственно молчит. И полной страшных возможностей кажется лесная дорога. С чувством невольной жути косятся глаза на этот мрак, притаившийся за деревьями и кустами. Непокойно постукивает сердце.

Неожиданно две серые фигуры рельефно вырисовываются посреди дороги.

– Это деревья, – шепчет Соня Алдина Мурочке, и душа ее невольно замирает от страха.

– Но почему же они движутся, идут сюда? – высказывает предположение Мурочка.

– Dieu des Dieux! Mais ce sont des brigands!²⁸ – испуганно говорит madame Sept. Лицо ее мгновенно делается мелового цвета, а холодный пот выступает на лбу. Увы, если это и не разбойники, то, во всяком случае, неблагонадежные люди, – уныло подсказывает

²⁸ Боже мой! Это разбойники!

мысль. И вот, как бы подтверждая ее догадки, двое оборванцев подбегают к трем спутницам и кричат:

– Руки вверх!

Один из них бросается к девушкам с требованием денег, другой грубо вырывает сумочку из рук madame Sept.

Та отчаянно защищается. Ужас, охвативший ее, лишает памяти почтенную даму, а вместе с тем и возможности крикнуть то самое слово, которое так странно звучит на русском языке и которое кричат обыкновенно в случае опасности и нападений.

Между тем оборванец грубым движением вырвал у нее сумку и, показывая огромный кулак ее обладательнице, многозначительно говорит с грозной усмешкой:

– Покричи у меня только... Покричи!

Один вид этого страшного кулака и зверской гримасы внезапно заставляет прийти в себя madame Sept и вспомнить то трудное русское слово, которым зовут на помощь.

С последней надеждой на спасение, с отчаянием и ужасом в лице почтенная дама раскрывает рот и побелевшими губами кричит тонко и пронзительно, точно ее режут:

– Ура! Ура! Ура!

Почему именно это слово, а не подходящее к слу-

чаю «караул» подвертывается ей на язык, она сама долго не может дать себе потом отчета. Волна ужаса, захлестнувшая ее, затуманила память, и все тем же пронзительным, необычайно тонким голосом она продолжает кричать, как безумная:

– Ура! Ура! Ура!

Сами бродяги испуганы этим криком и, как ошпаренные, бросаются в сторону.

Они, по-видимому, приняли за сумасшедшую эту толстую барыню, вопившую так некстати свое пронзительное «ура». Как бы то ни было, они кинулись в кусты и исчезли мгновенно, унося с собой похищенную сумочку.

Когда Мура и Соня, взволнованные не менее самой madame Sept, бросаются к ней, с последней делается истерический припадок:

– О, если бы у меня был револьвер! – рыдает она на руках пансионерок. – О, если бы мне оружие! Я бы сумела тогда защититься!

С трудом удается им привести ее в чувство и довести до дома.

Там все слышали отчаянные крики на дороге и не знали, что подумать, что предпринять. И когда, наконец, три злополучные путницы появились перед воротами дачи, куда высыпало все население пансиона, вздох облегчения вырвался у всех. Тотчас же коман-

дировали дворника и сторожа на поиски воров, но те уже были далеко.

Долго не могли в эту ночь успокоиться пансионерки. Говорили о темных ночах, об июльском мраке, о злых людях, нападавших на мирных обывателей, и о недостатке орудия в пансионе.

И когда, наконец, все с первыми петухами разошлись по своим постелям, в голове Мурочки уже назревала новая затея, новое решение...

Глава двенадцатая

Теплый июльский вечер. До заката солнца еще далеко, но жара уже спала давно. Тихое чириканье птиц, устраивавшихся на ночной отдых, наполняет собою все уголки соснового леса, от которого быстро шагает Мурочка. Вот уже полчаса прошло с той минуты, когда, воспользовавшись послеобеденным отдыхом madame Sept и вечерней прогулкой пансионеров, от которой она отказалась, Мурочка незаметно выпорхнула из ворот дачи. Миновав таможенную станцию пограничного поста, с его темным шлагбаумом и ревизионной будкой, она перешла мостиком узкую Сестру – пограничную русско-финляндскую речонку и углубилась в этот прохладный ласковый бор.

Ходьбы до ближайшего местечка О. хватит на полчаса времени, да полчаса на обратный путь, по крайней мере. Таким образом, к вечернему чаю она успеет вернуться в пансион.

Конечно, с одной стороны, неудобно, что она ушла, не спросившись у madame Sept. Но разве ее отпустили бы, если б узнали, зачем она идет в О.? Не пустили бы, конечно. Пошли бы «охи», «ахи» и прочее; расшумелись бы, запротестовали огулом. Особенно Дося, которая, как над маленьким ребеночком, дрожит над

нею. А между тем ей уже 16 лет! Пора, наконец, доказать людям свою самостоятельность. Тем более что намерения у нее, Муры, самые благие нынче. Неужели же нельзя назвать благим намерением то, что она хочет приобрести оружие в виде хорошего «маузера» или «браунинга» за границей Финляндии, в О., чтобы иметь возможность защищать себя и других на случай повторения такой же истории, которая случилась с ними вчера ночью?

Да, наверное, и сама madame Sept, с ее неразлучной «масёрой», и все пансионерки будут благодарны ей, Муре, за услугу. Еще бы – иметь оружие в доме так хорошо в темные июльские вечера!

Эта мысль настолько подбадривает Мурочку, что она несется, как на крыльях, по дороге в О. – единственное место, где можно поблизости бесконтрольно приобрести оружие. И когда ее оживленное, с жизне-радостными глазами, личико появляется в лавке, где торгуют всякой всячиной в виде финляндских спичек и бумажных тканей, папирос и гаванских сигар, шведского пунша и, к довершению всего, ножами, кастетами и револьверами всех систем, белобрысый чухонец, стоявший за прилавком, без малейшего смущения продает ей один из последних.

«Эта уже и сама не застрелится и не будет палить ни в кого», – решает он при первом же взгляде на смуг-

лое жизнерадостное личико и веселые глазки покупательницы.

Завернув пакет с револьвером и зарядами, для большей осторожности, в носовой платок, Мура, за неимением кармана, несет его в руках, прижимая крепко, как сокровище, к сердцу. О, она так счастлива! Покупка обошлась вдвое дешевле, чем она предполагала, и ей еще осталась немалая сумма из данных ей ее «птичками» перед отъездом на мелкие расходы денег. А главное – все обошлось так просто, без всяких препятствий.

Какие славные эти финны-продавцы! И лица у них такие открытые, доверчивые, честные. Теперь бы дойти только поскорее до дома до наступления ночи, и дело в шляпе.

С легким сердцем, напевая песенку, Мурочка пускается в обратный путь.

Все так же бесшумно и быстро спускается на землю июльский вечер. В лесу сгущается мрак. Застигнутая им, Мурочка ускоряет шаги. Вдруг она останавливается, как вкопанная, посреди лесной тропинки. И внезапно ее бросает в жар от волнения. И капельки пота проступают на лбу под черными кудерьками. Как могла она упустить это из вида! Как же она не подумала заранее обо всем? – хватаясь за голову, чуть не вслух упрекает себя Мура.

Ведь впереди находится пограничная стража, ревизионный пункт, где у нее отберут револьвер и ее самое могут арестовать. С этим не шутят. За ношение оружия строго карает закон.

Непростительным легкомыслием было забыть об этом!

Мура так смущена, что долго еще не может прийти в себя. Наконец, мысль ее проясняется, и робкая надежда снова стучится в душу.

– Но зачем же ей непременно лезть на сторожевой пункт? Его можно, во всяком случае, обойти, – решает она внезапно, и прежняя радость возвращается к девушке.

А темный июльский вечер наступает быстрее, приближаясь к земле. Под его мглистой пеленою Мура пробирается теперь сторонкой, держась берега Сестры, к знакомой даче, лежащей по ту сторону речонки. Она знает то место, где обмелевшая Сестра кажется почти ручейком. Его можно перейти успешно, перепрыгивая с камня на камень. И она совсем близко сейчас от него... Вот, за теми кустами, должно быть... Еще крепче, теснее прижав к своей груди драгоценную ношу, Мурочка стремительно бросается вперед.

– Кто идет? – внезапно раздается у нее над головою грозный оклик, и фигура пограничника в серой шинели, словно из-под земли, вырастает перед нею.

И через небольшой промежуток времени гремит выстрел...

* * *

Жгучий стыд пронизывает ее всю, когда она под караулом двух солдат, доставивших ее на пункт пограничной стражи, стоит вся красная от смущения перед сивоусым таможенным чиновником и его помощником, жандармом. К счастью, пуля, посланная за нею вдогонку стражником, не достигла цели. И Мура, живая, здоровая и невредимая, появилась перед строгие очи местного таможенного начальства.

– И не стыдно вам, барышня, заниматься такими делами? Такая молоденькая и тоже туда же революции вздумали служить, – отбирая у нее револьвер с патронами, бубнит чиновник.

Мура даже и не старается рассеять его заблуждений. Пусть думают, что хотят. Разве ей легче будет, если она начнет оправдываться... О, какой стыд!

Мимо проходят гуляющие дачники. Они с любопытством посматривают на нее.

– За что арестовали эту барышню? – неожиданно слышит Мура знакомый голос. Она быстро оборачивается со вспыхнувшей мгновенно в сердце надеждой.

Мичман Мирский, так и есть. Это он, ее вчерашний кавалер на бале! Одна минута, и Мура бросается к нему как к избавителю:

– Monsieur Мирский, спасите меня! – И задыхаясь от волнения и подступивших к горлу рыданий, она, захлебываясь, сбивчиво лепечет что-то.

С трудом разбирает ее слова молодой моряк.

– Вы видите, тут, очевидно, кроется какое-то недо-разумение, – говорит он вслед за тем, обращаясь к таможенному чиновнику, – я знаю эту барышню. Она из французского пансиона и уже, во всяком случае, не злоумышленница и не государственная преступница; за это ручаюсь вам головой. Мое имя – мичман Мирский, вот моя карточка, – и он протягивает белый квадратик таможеннику.

Когда двадцатью минутами позже Мура, в сопровождении стражника, посланного больше для очистки совести на дачу пансиона, появляется перед перепуганной madame Sept, последней делается дурно от всех пережитых ею за этот вечер волнений.

Здесь давно уже открыли исчезновение Муры и не знали, что подумать о нем. И сама madame Sept и бедная Дося пережили в ее отсутствие немало горя и страхов.

А тут вот она появляется, как преступница, под конвоем... О боже! Есть от чего получить разрыв сердца

и умереть!

И во все время, пока Мура держит в объятиях отчаянно рыдающую Досю, Мирский, проводивший свою вчерашнюю даму до самого порога пансионной гостиной, уверяет почтенную директрису, что все это одни пустяки, одно печальное недоразумение. Но madame Sept не может и не хочет его понять. По ее мнению, девушка, арестованная хотя бы на один миг, не может оставаться в ее фешенебельном пансионе.

Всю последующую ночь она не спит и о чем-то долго совещается с Эми. А наутро всех пансионеров просят собраться в гостиной, чтобы услышать из уст почтенной директрисы решение, надуманное ею за долгую ночь.

Заключение

Какое яркое жизнерадостное июльское солнце! Какими светлыми, горячими лучами заливает оно гостиную!

Сколько безотчетной радости и молодого задорного счастья в этой праздничной картине последнего летнего торжества!..

И совсем уже не соответствует ему пасмурное угрюмое выражение на лицах собравшихся в эту пронизанную солнцем комнату пансионерок и их начальства.

– Mesdemoiselles, – обращается к молодым девушкам madame Sept и продолжает торжественным тоном, веско отчеканивая каждое слово. – Я позвала вас затем, чтобы в нашем присутствии высказать мое глубокое негодование по поводу недостойного поведения m-lle Eudoxie Kiriloff. Не говоря уже о всех тех мелких неприятностях, которые она нам доставляла с сестрою за эти пять недель своего пребывания здесь, ее вчерашний непростительный поступок переполнил чашу моего терпения. Эта самовольная отлучка, этот револьвер и арест!.. Dieu des Dieux! Что же это такое? Я не могу больше подвергаться таким нежелательным случайностям и пачкать репутацию моего фешене-

бельного, всеми уважаемого пансиона, а потому прошу самым серьезным образом m-lle Eudoxie Kiriloff сегодня же удалиться от нас!

И произнеся эту последнюю фразу, по-видимому, очень довольная произведенным ею эффектом, madame Sept смолкает. Гробовое молчание водворяется в комнате. Молчит директриса. Молчит ее помощница. Молчат пансионерки.

Кажется, будто слышен полет мухи – такая здесь царит сейчас полновластная тишина.

Мура стоит с бледным лицом и с тесно, в горестной улыбке сжатыми губами. Ей очень тяжело.

О, бедное, жалкое личико! Ему не скрыть муки оскорбленного самолюбия и незаслуженной обиды, причиненной его обладательнице.

Выгнать ее, Муру, из пансиона! Какой позор! Какой стыд!

Вдруг громкое рыдание раздается из дальнего угла гостиной, и, стремительно вскочив со стула, Дося Кирилова, настоящая Дося Кирилова, выбегает на середину комнаты и сквозь бурю долго сдерживаемых слез говорит среди рыданий:

– Если вы гоните ее, детку мою, гоните и меня с нею... Знайте: без нее я не останусь здесь ни одной минуты... Стыдно обижать ее... Она не виновата в том, что все так случилось... она добрая... милая,

только легкомысленная и взбалмошная немножко... А вы не поняли ее... не поняли ее золотого сердечка... после этого и я ни минуты не останусь у вас...

Дося рыдает так громко, что за этими слезами девушки не слышно ничего... Не слышно шума колес подъезжающей чухонской таратайки, и бряцание шпор в передней, и шелеста шелкового платья и легких быстрых шагов.

И только когда на пороге гостиной пансиона вырастает внезапно фигура высокого военного в генеральской форме и маленькой дамы рядом с ним, все присутствующие обращают на них внимание.

– Птички мои! Родные мои! Приехали! Вернулись! – отчаянно-радостным криком срывается с губ Муры, и она стрелою несется к порогу комнаты.

– Детка моя! Мурочка! Мы вернулись немного раньше. Не хотели предупредить... Ты довольна сюрпризом? Утром вернулись и сейчас же приехали за тобой... – Слышатся отрывистые радостные возгласы между звуками поцелуев и счастливым смехом.

Точно столбняк находит на почтенную директрису пансиона, и она замирает от изумления при виде «солдатки», так нежно обнимаемой генеральской четой.

И это осторожное объятие, полное почтительной ласки, которым подроспевшая Дося обняла маленькую

генеральшу... Это тоже что-нибудь да значит!..

Смутная догадка вихрем проносится над модной фризеткой директрисы.

– Dieu des Dieux! – растерянно шепчет она. – Неужели?.. О!

И когда генерал Раевский, обняв одной рукой Муру и протягивая другую руку почтенной француженке, говорит несколько смущенно:

– Уж вы простите мою дочурку за невольные причиненные ею вам неприятности, о которых я знаю из писем ее и Доси, а главное, за ее шутку с присвоением себе чужого имени, которую она позволила себе. Позвольте мне, старику, извиниться перед вами за мою шалунью.

Madame Sept кажется вдруг, что потолок комнаты низко опускается над ее головою, а все присутствующие начинают кружиться у нее в глазах.

О, непростительная ошибка! Как могла она так третировать настоящую генеральскую дочь? Где был ее здравый смысл? Куда скрылась от нее обычная логичность мышления? Ее житейский опыт, наконец...

И обычно румяное лицо француженки теперь стало бело, как известь.

Но сама Мурочка как будто и не помнит несправедливости, оказанной ей здесь. Так глубоко захватила ее радость встречи с родителями. Ее личико ожи-

вилось снова. Ее глаза сияют опять и прелестна ее улыбка, с которой она подходит к madame Sept.

– Простите меня, я была много виновата перед вами! – с трогательным выражением произносит «настоящая» генеральская дочка, просто и ласково, – и поверьте мне, я никогда не думала умышленно причинить вам зла...

Тут пухлые губки тянутся к губам француженки с самым лучшим намерением.

И растроганная директриса не может не ответить на их приветливый поцелуй.

В тот же день, уезжая из пансиона, генеральская дочка, ласково прощаясь с madame Sept и с недавними товарками, уверяет всех и каждого, что ей никогда еще не приходилось проводить такого славного, веселого лета...